

Смерть в большой прозе Андрея Платонова

В недавно великолепно подготовленном томе писем Андрея Платонова есть ужасающие строки: «Тоска совсем нестерпимая, действительно предсмертная. Все как-то потухло и затмилось. ...Всюду растление и разврат. Пол, литература (душевное разложение), общество, вся история, мрак будущего, внутренняя тревога – всё, всё, везде, вся земля томится, трепещет и мучается».² Это относится не только к непростым взаимоотношениям писателя с Марией, в то время гражданской женой писателя. Работая мелиоратором в Воронежской и Тамбовской губерниях, в аппаратах Наркомзема в Москве и на местах Платонов хорошо представлял себе коммунистическое мировоззрение, знал большевистскую реальность. Развернутое осмысление времени большевиков, их дел и порождаемого ими сознания – в его большой прозе³.

* * *

С писателем Андреем Платоновым советской власти не повезло. За все тридцать с небольшим лет их сосуществования (Платонов умер в первые дни января 1951 года) в стране не было более глубокого ее критика, чем он. В художественных образах, наполненных философским смыслом, писатель сумел передать не только присутствующее в части образованных слоев общества антибольшевистское настроение, но и сформулировать исторический приговор коммунистической идее. Большевизм, начавшийся с уничтожения предшествующей истории и части вышедших из нее людей, остановиться на этом не мог. Уничтожение было формой его существования. На место уничтоженной прежней сущности человека большевизм пытался поместить новое содержание, дать людям новое сознание. Безрезультатно: созданное было не жизнеспособно. Царство смерти росло в размерах.

Как всякий большой писатель, Платонов видел внешнюю и внутреннюю жизнь человека. Однако в отличие от своих великих предшественников XIX столетия, у него не было надежды на лучшее. Наследуя идею свободы у Пушкина, он видел созданную большевизмом тюрьму. Подобно Гоголю, мечтая о живом человеке, он был не в силах вырваться из нового царства мертвых душ. Вместе с Гончаровым он ощущал животворящее вращение колеса природы, но не находил для человека возможности вырваться за пределы природного бытия. Так же как и Толстой, Платонов искал формулу сопряжения жизни и смерти, и так же ее не находил. Платоновские герои, как

---

¹ Текст дается в авторской редакции.

² Андрей Платонов. «...я прожил жизнь». Письма (1920 – 1950 гг.)» М. Астрель. 2013. С. 233.

³ В статье продолжается исследование времени большевиков, начатое в статье о творчестве Осипа Мандельштама в ж. «Философия и культура». 2013. № 6. В данном случае я буду анализировать повесть «Котлован» (1930), «Ювенильное море» (1934) и роман «Чевенгур» (1927).

и герои Чехова, пронизаны неизбывной тоской. Но если у Чехова тоска – преддверие смерти, то у Платонова она начало смертной агонии⁴.

У огромного и разнообразного платоновского мира есть одна-единственная общая для всего скрепа – смерть. И обретается она не только там, где была в литературе прежде, за порогом жизни. Большевизм втащил ее через порог в человеческий дом и теперь она то ли сосуществует с жизнью, то ли уже заменила ее.

По этой причине в точности сказать, кто из героев Платонова жив (пока жив), а кто уже мертв, нельзя. Все существуют в стадии перехода от жизни к смерти и разница между героями лишь в том, что одни находятся в начале этого процесса, другие приближаются к финалу, а третьи мертвецы. Все происходящее с героями совершается в царстве смерти. Платонов не говорит, когда именно и с чего началось это царство. Но он ясно дает понять: его конца как Второго пришествия и воскресения мертвых, определенно нет.

Непонятый Платонов

Из великих платоновских современников не принимали власть многие. Органически и бесстрашно – Анна Ахматова и Осип Мандельштам. С оглядкой на власть, покорно, а иногда и льстиво – Михаил Шолохов. В отличие от них, начиная со второй половины 20-х годов, Платонов в художественной форме, но открыто не признавал жизненности строя большевиков, делая это философски, концептуально, даже онтологически, на уровне категорий «жизнь – смерть». Его слово для власти было тем более убийственно, что изначально он сам был отравлен фантазиями большевизма: уверенностью в возможности сотворения нового мира посредством уничтожения мира старого; надеждой, что старый мир не окажет сильного сопротивления, поскольку наполнен допотопными ручными орудиями и неприспособленными к жизни людьми; представлением, что в новом мире будут жить только умные машины и только чистые люди. Из себя самого, из своего тела писатель, как больной раком, вырывал пораженные опухолью куски и они, брошенные на бумагу, разлетались бисером букв, сцеплялись в неуклюжие фразы и слова. Кажется, что платоновские слова сочатся кровью, слезами, гноем.

* * *

Платонов – философ, которого уже более шестидесяти лет, прошедших с его смерти, мало кто понимает. Это было почти невозможно в СССР. После, наверное, многим стало не до того. Писатель не соотносим ни с одной из известных философских конструкций. А отрешиться от ученически усвоенного, от закостеневших в сознании мерок, мало кому из исследователей удастся.

---

⁴ Для знакомства с этой темой рекомендую статью В.Н. Поруса «Бытие и тоска: А.П. Чехов и А.П. Платонов». Вопросы философии. 2014. № 1.

В качестве примера приведу один из типичных случаев. Не так давно вышла статья литературоведа К.А. Баршта о «Котловане».⁵ Автор уверен, что философия Платонова глубоко связана с идеями Анри Бергсона. «Оба мыслителя чувствуют, что вещи и дух не просто согласуются или сочетаются друг с другом, но образуют нерасторжимое единство, сокровенный смысл которого является основным направлением поисков человека». Строители «Котлована», «...растворяя свою волю в бергсоновской творческой интенции окружающей их мировой субстанции, обращают себя в коллективный орган творения, включаются в органическое единство с плотью земли как полным сокровенных ресурсов "веществом жизни»⁶.

«Единство вещи и духа», «коллективный орган и плоть земли»... Положим, что так. Но что из этого следует? Какие горизонты открывает нам платоновская мысль, получившая такую интерпретацию? Ведь мысль жива, пока продолжает движение, заданное автором, а это движение не могло не быть направлено в сторону светлого и лучшего. В данном случае на мысль, напротив, надеваются кандалы.

Точка зрения Баршта – в конкретной «привязке» Платонова к идеям автора «Творческой эволюции», к сожалению, не редкость. То же и уже давно повторяется с Платоновым в связи с фигурой Н. Федорова, когда юношеское увлечение экстраполируется на зрелого мастера.

Много исследователей, далее, сходятся в том, что пафос платоновской прозы - в натурфилософском видении мира. Разброс в аллюзиях необъятен: от якобы имеющего место следования Платонова концепции З. Фрейда о «родовой травме» и переживании человеком жизни как трагического изгнания из лона матери⁷, до объявления писателя последовательным буддистом или «натурфилософом».⁸

Иногда даже предпринимается попытка увидеть в платоновских текстах связь между конкретной российской социальной и планетарной мироустроительной революциями. Но при этом причина и следствие меняются местами: зафиксированное писателем историческое начало - начатое капитализмом переустройство мира (в том числе, и на научной основе) не предшествует, а выводится из российского социального катаклизма: «Платонов считает задачу переделки Вселенной продолжением тех преобразований, начало которым положила революция. Социальная революция, по его мнению, должна перейти в стихию технической культуры,

---

⁵ К.А. Баршт. Истина в круглом и жидком виде. Анри Бергсон в "Котловане" Андрея Платонова. «Вопросы философии». 2007, № 4.

⁶ Там же. СС. 145, 154.

⁷ Карасев Л. Движение по склону. (Пустота и вещество в мире А. Платонова) // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. — М., 1995, вып. 2. С. 7.

⁸ Толстая-Сегал Е. Натурфилософские темы в творчестве Платонова 20-30-х гг.// Slavica Hierolosolymitana. — Jerysalem, 1979, t. 4. С. 232.

которую он тоже понимает как революцию».⁹ При этом, что представляется и вовсе удивительным, Л. Коробков, к примеру, отмечает: «все без исключения рассказы, повести, пьесы, статьи, письма Платонова — ЗА и только ЗА революцию и социализм».¹⁰ А то, что редкий платоновский сюжет обходится без краха, смерти и трупа как финала социального преобразования, по крайней мере в больших текстах автора, не замечается.

У меня нет объяснения причине столь неверного понимания существа творчества Андрея Платонова, кроме одного, метафоричного. Если долго смотреть на солнце, не наслаждаясь его светом и теплом, а «подходить» к нему «научно-критически», ничего, кроме слепоты не получишь.

Столь же труден для восприятия и анализа почти не соотносимый с реальной жизнью платоновский язык. Однако то, что только на его основе возможна реконструкция мировоззрения Платонова,¹¹ представляется верным.

Справедливости ради, для частичного оправдания неудач предпринимаемых многими исследователями усилий с целью адекватного толкования гения, надо сказать, что в этом повинен и он сам. Молодой Андрей Платонов – мечтатель, изобретатель и радикальный преобразователь далеко не сразу понял, что российский мир, изуродованный, а затем назначенный большевиками к выздоровлению, на операционном столе умер. А вместе с ним, подобно Владимиру Ленину, убитому собственным фанатизмом, умер и писатель Платонов. Но, в отличие от пролетарского вождя, он получил страшную долю: остаться сознающим и пишущим мертвецом среди бессознательных мертвецов – жителей страны советов. Можно, конечно, вслед за Хансом Гюнтером утешиться, что слова Платонова «мертвецы в котловане – это семя будущего в отверстии земли» – в одно и то же время обозначают смерть и новое возрождение.¹² Но следует признать: достоверно перед нами только одно – история мертвых. И семя мертвых в земле – мало пригодный для плодородия прах.

Х. Гюнтер глубоко и содержательно проанализировал основные тексты Платонова. Однако и он, как мне представляется, не нашел в себе достаточно сил для признания платоновского вывода, который в новую эпоху повторяет гоголевский приговор о «мертвых душах» и птице-тройке, в которой сидит Чичиков: «СССР – страна новых мертвых душ»¹³.

---

⁹ Дмитриевская М.А. Макрокосм и микрокосм в художественном мире А. Платонова. Учеб. пособие. — Калининград, Калинингр. гос. ун-т., 1998. С. 173.

¹⁰ Коробков Л. «Чевенгур»: достоверность фантастики: Опыт комментария // Платонов А.П. Чевенгур. — Воронеж, 1989. С. 404.

¹¹ Дмитриевская М.А. Язык и мирозерцание А. Платонова. Дис. на соиск. учен. степ. докт. филол. наук. — М., 1999. С. 5.

¹² Гюнтер Х. По обе стороны утопии. М., 2012. С. 10.

¹³ «Эсхатологическое чувство (образ Смерти. – С.Н.) – вот то общее, что есть у Гоголя, Достоевского и Платонова» – верно фиксирует ряд мыслителей – предшественников автора «Котлована» Л.

Мысль эта тяжела. И чтобы избежать ее (к тому же, иностранцу ее формулировать едва ли уместно), Гюнтер изобретает схему, согласно которой у платоновской «утопии» якобы есть две стороны: разочарование уравнивается надеждой, распад - конструкцией, хаос – порядком. «При наличии лишь однозначно отрицательной тенденции развития сюжета произведения не отличались бы характерной именно для Платонова парадоксальной смесью сатиры и трагичности».¹⁴ Думаю, довод про «положительную тенденцию развития» получился не слишком убедительным. Трагичность от сочетания с сатирой становится трагичностью в степени, а не оптимизмом. А раз так, что же это, как не та самая «отрицательная тенденция», с существованием которой Гюнтер не хочет соглашаться. Или, по другому: отсутствует в основных произведениях зрелого автора оптимизм.

Оптимизм в паре с фантазиями был свойственен молодому Платонову. Однако выбор между юношеским оптимизмом и трагической правдой жизни сделан уже в 1926 году, в пору написания истории строителя Епифанских шлюзов англичанина Бертрана Перри. Повесть «Епифанские шлюзы» (1926) – своего рода эпитафия к последующим крупным произведениям, посвященным событиям в СССР второй половины 20-х – начала 30-х годов¹⁵. В ней есть все структурные смысло-образы, этой прозе присущие: император-деспот, породивший геополитическую идею для половины страны; гигантский проект, воплощающий идею и переворачивающий жизнь сотен тысяч подданных; реализаторы идеи – инженеры; огромный репрессивный аппарат; невиданные технические изобретения «мастеров»; неодолимое сопротивление природы; крах головной идеи; торжество господствующей над всем живым Смерти – от воеводы, производящего порки и убийства беглых крестьян, до палача, полу-человека – полу-зверя, насилловавшего и умертвившего Перри¹⁶.

Не получается, как хотел бы Гюнтер, числить Платонова в кагорте мечтающих о светлом и добром государстве-утопии. Его произведения – реалистическая фантазмагория, в которой действуют умершие и живые мертвецы, а надежда, что завтра и в самом деле появятся настоящие живые, всего лишь надежда.

Надо отметить, что начиная с Октября отечественные поэты и писатели столкнулись с небывалой до их времени проблемой. Реальность была столь ужасна, что для ее описания не годился ни один из известных литературе жанров, включая трагедию. Не вынеся реальности, некоторые убили себя. Другие отнесли ужасы к неизбежности, постарались закрыть на них глаза и

Карасев. В кн.: «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Выпуск 6. М., 2005. С. 217.

¹⁴ Там же. С. 11.

¹⁵ В большой прозе я обращаюсь к роману «Чевенгур» (1927) и повестям «Епифанские шлюзы» (1926), «Котлован» (1930) и «Ювенильное море» (1934).

¹⁶ В «Котловане» полу-человек и полу-зверь разделятся на полу-человека инвалида Жачева и определителя классовых врагов зверя-человека медведя.

сосредоточились на восхвалении счастливого завтра. Так поступить Платонов не мог. В результате родился жанр - реалистическая фантазмагория.

Попробуем осознать неизбежную для писателя необходимость, видящего ужас бытия и принуждаемого собственной совестью описывать именно его. То, что он видит – реально. Но если об этом ужасе рассказать правдиво, не поверят, сочтут фантазией. Вот и включает писатель в изображение реального элементы фантазии, чтобы читатель вздохнул с облегчением: это преувеличено или придумано!

В этой связи, предложенная мной гипотеза заключается в следующем. Большая проза Платонова – это повествование о жизни в царстве смерти. Вся она – репортажи об умирании, фактах смерти, жизни мертвых, написанные мертвецом и потому в совершенстве понимающим то, о чем он пишет. Посмотрите на самую распространенную фотографию Платонова: на нас смотрит мертвец. Вспомним, что предваривший Платонова в идее «жизни мертвых» Ф.М. Достоевский в своем рассказе «Бобок» точно подметил: до конца улавливать и понимать язык мертвых могут только сами мертвецы.

При анализе платоновских произведений мы сталкиваемся с композиционной сложностью, которая подтверждает мою гипотезу. Большие тексты составлены из отдельных очерков, каждый из которых связан с другим непрочными линиями путешествия героев. Они как будто идут по кладбищу, переходят от могилы к могиле и, останавливаясь, считывают через слой земли историю каждого мертвеца.

При желании каждый очерк может быть изъят из общего целого и начать жить как отдельная реалистическая зарисовка. Каждая история может подвергнуться специальному рассмотрению как любая могила на большом кладбище от Балтики до Тихого океана. И объединяет обитателей могил только один кладбищенский смотритель по имени Смерть.

Смерть в мире Платонова существует в разных ипостасях: как данность, как предмет размышления, как воспоминание, как попытка жить. И даже когда речь идет о строительстве - символе будущего, это все равно повествование о бытии смерти в завтрашнем дне. Вот почему любой удар лопаты о грунт котлована оборачивается еще одной подвижкой в сооружении общей могилы, что бы при этом не думали кладбищенские землекопы или проектировщик инженер Прушевский. Большая проза Андрея Платонова - только части одного философского эссе о царстве смерти под вывеской «СССР».

По поводу «Котлована» и иной прозы Платонова нельзя не привести слова «соразмерного» ему мастера – Иосифа Бродского: это «произведение чрезвычайно мрачное, и читатель закрывает книгу в самом подавленном состоянии. Если бы в эту минуту была возможна прямая трансформация психической энергии в физическую, то первое, что следовало бы сделать, закрыв данную книгу, это отменить существующий

миропорядок и объявить новое время»¹⁷. «Отменить» - то же, что похоронить скончавшегося, убрать уничтоженное смертью.

Из литературоведов, на мой взгляд, ближе всех к аутентичному пониманию платоновской идеи смерти подошел Алексей Варламов. Однако этот исследователь полагает, что в восприятии жизни Платонов как бы раздваивался: днем писал «преисполненный сочувствия к бедным, убогим, замученным батракам...», фактически прямо призывая к раскулачиванию и скорейшему созданию колхозов, а по ночам недремлющий сторож его души описывал в «Котловане», что торилось в зажиточных домах, после того как Чиклин «сделал Сталину колхоз».¹⁸ Отчего такое раздвоение?

В одном из писем Платонова А.М. Горькому есть загадочная, но многое объясняющая фраза. Раскаиваясь в нанесенном власти хроникой «Впрок» невольном политическом ущербе, Платонов пишет: «Идеологическая же вредность, самое существо дела, произошла не по субъективным причинам».¹⁹ То есть, «субъективно», лично Платонов - человек, всерьез заинтересованный в реализации коммунистических целей, не мог желать ущерба большевистской власти. Однако «объективно» Платонов - инструмент «евнуха души» (ангела-хранителя, удерживающего Платонова - человека вблизи Бога и водившего его рукой), не мог не писать о том, что было перед его глазами и внутренним взором. (Вспомним и о страшном ночном видении Платоновым самого себя, сидящего и пишущего за столом).

Думаю, что в этом случае имело место то же, что отмечала Надежда Мандельштам, когда говорила, что Осип Эмильевич не сочинял, а «слушал стихи», которые начинали звучать в нем сами по себе, а он успевал их записывать. Поэтому он «не хотел уйти из жизни, не оставив недвусмысленного высказывания о том, что происходило на наших глазах»²⁰. Вот почему, возвращаясь к отмеченной Варламовым «раздвоенности», я уверен, что настоящим Платонов был ночью, в то время как днем он мог склоняться к идее колхозов и обращаться с покаянным письмом к Сталину.

В связи с темой смерти в литературоведческих исследованиях платоновских текстов особо нужно отметить имя Натальи Корниенко - наиболее компетентного исследователя творчества Платонова. В одном из ее текстов, который сам по себе заслуживает специального анализа, эта тема органично встроена в разбор апокалиптических аллюзий, наполняющих «Чевенгур»²¹.

В анализе текстов А. Платонова я хотел бы также отметить имя Елены Проскуриной, специально размышлявшей над образом смерти. В нем она отмечает три аспекта: «мистериальный», содержащий идею воскресения;

---

¹⁷ Иосиф Бродский. Послесловие к «Котловану» А. Платонова. http://lib.ru/BRODSKIJ/br_platonov.txt

¹⁸ Варламов А. Цит. соч. С. 195.

¹⁹ Андрей Платонов. «...я прожил жизнь». Письма... С. 305.

²⁰ Надежда Мандельштам. Воспоминания. Т. 1. М. 2006. С. 186.

²¹ Корниенко Н. Чевенгурские мечтания о новом человеке в статьях Платонова 1920-х годов. В кн.: «Страна философов» Андрея Платонова...» Выпуск 6.

«абсолютного небытия» – смерть без воскресения; «иллюзорности жизни» - смерть как жизнь²². Соглашусь с наличием у Платонова смерти без воскресения и смерти как жизни. Что же до мистериальной идеи воскресения, то обоснования Проскуриной мне не кажутся убедительными. Трактовка смерти Насти («Котлован»), согласно которой ее смерть – это «*строительная жертва*», в которой будто бы присутствует «теофанический контекст», приведенные доказательства, на мой взгляд, подкрепляет плохо. Исследователь утверждает, что смерть ребенка – это своего рода жертвоприношение с целью остановить деструктивный процесс, что имя Анастасия символично, поскольку означает Воскресение, а «сцена похорон Насти представляет собой художественную реализацию платоновского представления о смерти как периоде ожидания возрождения, происходящего, однако, в ином пространстве, в глубинных пластах мироздания, которых не коснулось тлетворное дыхание перерожденной жизни».²³

В отличие от Проскуриной, я не вижу в повести свидетельств трактовки смерти Насти как жертвоприношения. Имя «Анастасия – Воскресение» в отношении погребаемого человека может быть истолковано не только как надежда на будущую жизнь, но и как прощание с надеждой на воскресение. Что же касается мысли о «возрождении, происходящем в ином пространстве, в глубинных пластах мироздания, которых не коснулось тлетворное дыхание перерожденной жизни», то ничего, кроме фантазии самого исследователя, я за этим не нахожу. Обращу внимание и на смерть младенца в «Чевенгуре». Он не имеет имени и никаких надежд на его воскресение нет. А, между тем, смерти детей в обоих произведениях несут похожие, если не одинаковые, смысловые нагрузки.

Что же все-таки хотел сказать Андрей Платонович, избирая себе в качестве символа бытия в СССР старуху с косой?²⁴ Думаю, он хотел найти то, посредством чего можно объять необъятное. Вспомним. Когда древнегреческие философы озаботились вопросом о мире в целом, они нашли единственно возможный для этого мыслительный ход – сообщить нечто о «материале», из которого он устроен. Их ответы – вода, воздух, огонь, атом – об общем в необъятном разнообразном. Думаю, что и

²² Проскурина Е. «Гримасы смерти у Платонова» («Чевенгур», «Котлован», «Ювенильное море»). В кн.: «Страна философов» Андрея Платонова...» С. 137.

²³ Там же. С. 141.

²⁴ Символ смерти не только давно живет, но и никак не уходит из отечественной славистики. Так, большой поэт Борис Рыжий, несомненно, мечтавший о «новом времени», не дождавшийся его и потому убивший себя, написал:

«За	обедом,	блядь,	рассказал	Косой,
что	приснилась	ему	с	косой
фиксы				-
и		глаза		золотые
Ломанулся	Косой,	а	она	стоит,
только	ногтем	грязным	ему	грозит:
поживи,		мол,		ладно,
типа, сука, падло».				

Платонов, размышляя над вопросом, что такое новая советская страна, нашел свой «атом» - то, что пребывает во всем. К его ужасу этим первоосновным и вездесущим атомом оказалась смерть. И она же связала воедино недавнюю предысторию страны, ее настоящее и будущее.

Напомню, что сам Андрей Платонов в статье «Коммунизм в сердце человека», опубликованной в 1922 году, рассматривал смерть (физическое уничтожение буржуев) как единственно необходимый и неизбежный способ уничтожения все еще живущего прошлого, условие строительства нового общества – то есть, будущего. Он писал: «Пролетарий не должен бояться стать убийцей и преступником и должен обрести в себе силу к этому. Без зла и преступления ни к чему в мире не дойдешь и умножишь зло, если сам не решишься сделать зло разом за всех и этим кончить его».²⁵

Обуздать смерть пытался гоголевский философ Хома. «Сделать зло разом... и этим кончить его» пробовал герой Достоевского Родион Раскольников. Клянет смерть толстовская барыня, смиренно принимает мужик, не замечает смерти дерево (рассказ «Три смерти»). Смерть осталась не уязвимой, осталась тем, к чему человек так и не сумел притронуться, оставаясь живым. Может быть, нечто подобное о смерти понял отец Саши Дванова, любопытный рыбак с озера Мутево? Ведь там, на дне, между жизнью и смертью, обитали рыбы, которые не думали, потому что уже знали. И также осознанно, как и отец, поиск иного бытия, отличного от существования в земном царстве смерти, продолжил ушедший в озеро Саша.

Утверждение образа смерти в качестве универсального смыслообразующего начала в творчестве Андрея Платонова в противоположность, например, сложившейся исследовательской традиции видеть в его произведениях разного рода эманации «вещества» требует доказательств. Этим я и намереваюсь заняться. Однако для лучшего понимания платоновской трактовки смерти как главного героя его произведений, начну со сравнения - ее понимания в отечественной словесности в XIX столетии. Не затрагивая тему смерти у Гоголя и Достоевского, скажу о Пушкине и Толстом.

Смерть в русской классике. Пушкин и Лев Толстой

Так уж устроен русский человек, что он живет не только, а иногда и не столько миром посюсторонним, сколько с мыслью о мире потустороннем. Граница между ними – смерть, и потому знание о ней, как предвестник надежды узнать что-либо и о лежащим за ней миром потусторонним, всегда было желанным. По этой причине размышления о смерти в отечественной прозе – из важнейших.

* * *

Первым к проблематике границы жизни и смерти обратился А.С. Пушкин в «Гробовщике» - одной из «Повестей покойного Ивана Петровича Белкина». Здесь смерть вплетена в более широкий мировоззренческий

---

²⁵ В кн.: «Страна философов» Андрея Платонова...» С. 481.

контекст размышлений о судьбе. Она – продолжение жизни и часть назначенного человеку пути. Но у Пушкина, как и вообще в отечественной прозе XIX столетия, этот смертный путь не вторгается в пространство жизни так, как это происходит у Платонова, когда непонятно – в жизни или в смерти пребывают герои. У реалистов Пушкина и Толстого смерть входит в жизнь и в этот же момент ее прекращает. А если все же (как это делает Пушкин), смерть «живет» в жизни, то случается это только во сне. Сон обозначает зыбкость грани, а иногда и ее отсутствие между миром здешним и «тамошним», загробным.

Ощущение приближающейся личной встречи с миром теней посещает гробовщика Адриана Прохорова уже с первых строк повествования – с момента переезда героя со старой квартиры, где в доме новом, недавно купленном. И хотя вся его работа совершается как бы в паре со смертью, казалось, должна была приучить его к спокойному к ней отношению, тем не менее, этого не было. А тут застолье. На вечеринке у немца-ремесленника один из гостей предложил выпить за здоровье тех, на кого гости работали. И гробовщику пришлось пить за здоровье ...мертвецов. Во сне Адриану снится пирушка, на которой он встречает своих клиентов, пьет с ними, разговаривает. Однако когда один из мертвецов попытался обнять его, он в ужасе отталкивает скелет и тот рассыпается. И здесь важное место: в мире мертвых, оказывается, существуют те же нормы и понятия, что и в мире живых. Гробовщику случается нечаянно толкнуть один из скелетов, который упал. «Между мертвецами поднялся ропот негодования; все вступились за честь своего товарища, пристали к Адриану с бранью и угрозами, и бедный хозяин, оглушенный их криками и почти задавленный, потерял присутствие духа, сам упал на кости отставного сержанта гвардии и лишился чувств».²⁶

Пушкинское эскизное описание загробного мира с упоминанием понятий о чести, способностью испытывать негодование и браниться, дает нам понимание того, что между двумя мирами нет существенного различия. Более того, переход из одного мира в другой не видится чем-то невозможным или исключительным. «Тот» мир не менее реален, чем описанная автором пирушка. Для русского человека мир здешний и «тамошний» равно существуют, хотя граница все же есть.

Едва ли не центральной делает тему смерти в своем творчестве Лев Толстой. Повесть «Детство», как помним, начинается пробуждением Николеньки Иртеньева с мыслью о смерти матери и с возникающим вслед за этим чувствами и страхами. В 1858 году появляется рассказ «Три смерти», замысел которого подробно истолкован самим Толстым в письме к тетке: «Моя мысль была: три существа умерли – барыня, мужик и дерево. – Барыня жалка и гадка, потому что лгала всю жизнь и лжет перед смертью... Мужик умирает спокойно, именно потому, что он не христианин. Его религия другая, хотя он по обычаю и исполнял христианские обряды; его религия – природа, с которой он жил. Он сам рубил деревья, сеял рожь и косил ее,

---

²⁶ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10 томах. М., 1964. Т.6. СС. 127 - 128.

убивал баранов, и рожались у него бараны, и дети рожались, и старики умирали, и он знает твердо этот закон, от которого он никогда не отворачивался, как барыня, и прямо, просто смотрел ему в глаза... Дерево умирает спокойно, честно и красиво. Красиво, - потому что не лжет, не ломается, не боится, не жалеет».²⁷

«Севастопольские рассказы» - значимое продолжение исследования опыта смерти. Кульминационное место испытаний человеческого естества в первом очерке цикла – четвертый бастион. Толстой показывает две разные точки зрения на этот «страшный бастион»: тех, кто на нем никогда не был; и тех, кто живет там. Первые убеждены, что четвертый бастион есть верная могила для каждого, кто пойдет на него. Вторые, говоря про бастион, скажут, что там сухо или грязно, тепло или холодно в землянке. За этим – отношение к смерти.

Продолжая погружать читателя в прозу военной жизни, автор выводит его на дорогу к бастиону, а там начинается сплошная грязь. Едва ли не каждая часть текста содержит в себе это слово. Вот солдат, размахивая руками и осклизаясь под гору, по жидкой грязи, со смехом пробегает мимо; траншея наполнена жидкой, желтой, вонючей грязью выше колена; изрытое грязное пространство, окруженное со всех сторон трупами; пушка, до половины потонувшая в грязи и т.п. (Замечу, что и у Платонова земля – постоянное и активно осваиваемое место обитания героев. Это и котлован, и кладбище, где мужики ломают кресты на топку, то место, в котором Саша роет себе возле отца яму, и деревня, которая землей кормится и в земле заготавливает себе гробы).

Вообще грязь, а на самом деле – растворенная в воде, разбавленная водой земля (в том числе и земля-кормилица, и мать сыра-земля), играет роль сопутствующего элемента в толстовских описаниях могущего каждое мгновение состояться перехода человека из царства жизни в царство смерти. Вспомним, что в рассказе «Три смерти» экипаж барыни стоит прямо посередине грязи и сил выбраться из нее на сухое место у умирающей, в отличие от сопровождающих ее, нет. Образ этот – как бы предупреждение всем умирающим о том, что земля уже готова принять их в свое мягкое нутро. И они, хотя и по-разному реагируют на этот сигнал, но все же не так как собирающиеся жить дальше. Эти последние через грязь перебираются, от грязи отмываются, как-то грязь преодолевают.

В связи с темой любви и смерти в творчестве Толстого не менее значимы повесть «Смерть Ивана Ильича» и рассказ «Хозяин и работник». Оба произведения строятся по одной смысловой траектории. Герои обоих – член судебной палаты Иван Ильич и купец второй гильдии Василий Андреевич – живут, как принято в их социальных группах: в делах и без любви. Оба женились, тогда и так, как это было «положено», оба не любят своих жен. Правда, купец, может быть больше расположен к своему сыну. Однако определить, насколько это определяется его отцовской любовью, а насколько

---

²⁷ Толстой Л. Н. Собр. соч. в 22-х тт. Т. 3. М.: ГИХЛ, 1978. С. 455.

– приписываемым ребенку статусом «наследника», сложно. Больше они не любят никого и, наверное, это чувство никогда бы не дало им о себе знать, если бы не чрезвычайные обстоятельства. Как помним, Иван Ильич неловко падает с высоты боком на кресло и с тех пор нечто, произошедшее с ним, начинает его медленно убивать. Купец, одержимый делом, которое, как он полагает, не терпит отлагательства, так как торгуемый лес может быть перекуплен другими, не хочет замечать происходящей у него на глазах опасной перемены погоды. Мороз, снег и ветер кажутся ему незначительными препятствиями в сравнении с близостью (всего несколько верст и сговорчивый продавец) желанной цели.

К обоим медленно (к одному - в течение недель, к другому – в течение ночи) подкрадывается смерть. И обоих в последний момент спасает любовь. (Ничего подобного, как будет показано, нет у Андрея Платонова). В обоих случаях избавительница от страха и страданий, примиряющая со смертью любовь приходит, когда человек начинает думать, заботиться, любить другого. Сострадание к ближнему - непереносимое условие возможности любви.

Итожу. У Пушкина и Льва Толстого, так же как у Гоголя и Достоевского, смерть - граница, непреодолимое обстоятельство. Выбирая способ, как на этой грани удержаться, как перестать бояться приближающегося рубежа, Пушкин и Толстой открывают, что защищаться от страха смерти человеку следует продолжением жизненного дела, исполнением долга, любовью. Дело позволяет не замечать близости смерти, долг и любовь примиряют или даже избавляют от страха перед ней. У всех отечественных классиков XIX столетия жизнь и смерть не пересекаются. И совершенно иное, неожиданное - у Андрея Платонова.

Смерть в стране советов. «Котлован»

Идея «Смерти в СССР» реализуется в платоновских текстах разными способами. Ее нельзя считать характерной для какого-то одного произведения, она разрабатывается автором в разных текстах, она - из важнейших. Кроме того, поскольку предлагаемое видение творчества Андрея Платонова сквозь призму смерти прежде не достаточно анализировалось в работах литературоведов, такую работу необходимо выполнить.

* * *

Начну с семантического показа значимости идеи смерти в «Котловане». Обращать внимание буду, конечно, не только на само слово «смерть», но и на близкие к нему по значению, сопровождая комментариями выдержки из текста. Итак:

Вощева уволили из-за «слабосильности». Недостаток сил – свидетельство приближения смерти; он оказывается на «безлюдной» дороге. Приближающаяся смерть отделяет человека от других людей; на «глинистом бугре» стоит дерево с «завернутыми» листьями. На глине жизнь растений слаба, а перед умиранием листья свертываются; в пивной люди предаются «забвению своего несчастья». Атрофия памяти - свидетельство близости

смерти; *Воцев* лежал и не знал, «полезен ли он в мире или все без него благополучно обойдется». Человек, лишний в жизни, не жилец; *новый день Воцев* встречает «с сожалением», потому что ему «предстояло жить». Жизнь – тягость. Тягость стараются прекратить; *Воцев* констатирует отсутствие «плана общей жизни» и то, что ему нужно «выдумать что-нибудь вроде счастья». Человек, не знающий как жить, недалек от того, чтобы жизнь остановить; в домах «безмолвно существуют» массы. Безмолвие – атмосфера смерти; в месте ночлега осталось «что-то общее» с жизнью *Воцева*. Углубление в землю - намек на могилу? *увиденные Воцевым родители живут, «не чувствуя смысла жизни», все время забывая «тайну жизни»*. Лишенная смысла жизнь недалека от смерти; *их ребенок растет «себе на мученье»*. Мученье, как правило, предваряет смерть и ею же прекращается; *Воцев* ложится отдохнуть и замечает, что рядом с головой лежит «умерший, палый лист», которому предстоит «смирение в земле». Прямые указания на смерть; *Воцев* убирает лист в мешок, где «он сберегал всякие предметы несчастья и безвестности». Тем самым он обозначает свою траекторию жизни без смысла, то есть смерти?; *более того, Воцев обобщает: «все живет и терпит на свете, ничего не сознавая»*. Из нас как будто извлекли «убежденное чувство». Жизнь, лишенная чувства и сознания – смерть; *появившийся строй пионеров вроде намечает уверенность в силе жизни, но оказывается, что им сила жизни нужна лишь для «непрерывности строя и силы похода»*. То есть, и у пионеров - жизнь не для жизни; *пионерки родились в то время, когда в полях «лежали мертвые лошади социальной войны» и не все девочки при рождении имели кожу из-за того, что матери недоедали*. Смерть - часть детской истории; в разговоре с *Воцевым Жачев* сообщает, что скоро помрет; *Воцев* гуляет между людей как «заочно живущий». Прямые указания на смерть; для ночлега *Воцев* находит «теплую яму» - «земную впадину» и это место «скоро скроется навеки под устройством». Место в земле, в которое уходят навеки – могила; в бараке все спящие «были худы, как умершие»; у них сердца бьются в «опустошенных телах»; спящие лежат «замертво», у них «охладевшие ноги» и каждый существует «без всякого излишка жизни»; *Воцев* чувствует «холод усталости» и ложится меж «тел». Прямые характеристики смерти; инженер *Прушевский* весь мир представляет «мертвым телом». В разговор вступает *Чиклин*: «...Отделаемся, тогда назначим жизнь и отдохнем». Сейчас землекопы не живут; *Прушевский* смотрит на строительство завода, где «нет ничего, кроме мертвого строительного материала и усталых, недумаящих людей». *Прушевский* строит здание «в чужой прок, лишь бы не тревожить своего сознания, в котором он установил особое нежное равнодушие, согласованное со смертью и с чувством сиротства». Он живет «предсмертную, равнодушную жизнь». Снова прямые указания на смерть; когда к землекопам с биржи труда присылают новую партию работников, каждый тут же придумывает себе «идею спасения». Спасение предполагает наличие чего-то ужасного, смертельного; *Но спастись некуда. «Отживающий мир»*

обретает все большую ветхость. Чиклин идет на завод, так же ветшающий и постепенно поглощаемый расположенным рядом с ним кладбищем. Обветшавшая лестница под его весом превращается в «истомленный прах» и обрушивается. В помещении он находит умирающую женщину и ее дочь. Снова прямые указания на тлен и смерть; после ужина землекопы сели глядеть на девочку – свое будущее. А Жачев «еще с утра решил, что как только эта девочка и ей подобные дети мало-мальски возмужают, то он кончит всех больших жителей своей местности; он один знал, что в СССР немало населено сплошных врагов социализма, эгоистов и ехидн будущего света, и втайне утешался тем, что убьет когда-нибудь вскоре всю их массу, оставив в живых лишь пролетарское младенчество и чистое сиротство».²⁸ В будущем это «малое существо» «будет господствовать над их могилами и жить на успокоенной земле, набитой их костями».²⁹ Смерть, кладбище; к землекопам приходит крестьянин, чтобы забрать заготовленные деревней гробы. Крестьянство – класс, намеченный к уничтожению.

* * *

Описанные Платоновым отношения – не художественная выдумка. Думаю, для лучшего обоснования идеи «СССР – царство смерти» к анализу художественного текста следует добавить исторические факты.

Так, большевики изначально строили свою политику, исходя из того, что после уничтожения буржуазии врагом рабочего станет мелкий деревенский собственник-крестьянин. Л. Троцкий, например, открыто заявлял: рабочий обречен на борьбу с крестьянством. Пролетариат, «...взявши в руки власть, не сможет ограничить себя буржуазными рамками революции. Наоборот, именно для обеспечения своей свободы пролетарскому авангарду придется на первых же порах своего господства совершать глубочайшие вторжения не только в феодальную, но и в буржуазную собственность. При этом он придет во враждебные столкновения не только со всеми группировками буржуазии, но и с широкими массами крестьянства, при содействии которых он пришел к власти».³⁰ Так же думал и писал Ленин.

Что же платоновский мужик? Говорит он с большой натугой - «то ли он утомился или же умирал по мелким частям на ходу жизни».³¹ В разговоре обнаруживается, что предвидимая Троцким классовая борьба зашла столь далеко, что гробы занимают центральное место в жизни крестьян. «У нас каждый и живет оттого, что гроб свой имеет: он нам теперь целое хозяйство! Мы те гробы облеживали, как в пещеру зарыть».³² Смерть, стало быть, не только вытесняет жизнь, а является ее условием.

---

²⁸ Андрей Платонов. Ювенильное море. М. 1998. С. 125.

²⁹ Там же. С. 126.

³⁰ Троцкий Л. 1905. М. 1922. СС. 4 – 5.

³¹ Андрей Платонов. Ювенильное море. М., 1988. С. 128.

³² Там же. С. 129.

Чиклин оставил два небольших гроба, предназначавшихся для крестьянских ребят, Насте: «в одном гробу сделал ей постель на будущее время, когда она станет спать без его живота, а другой подарил ей для игрушек и всякого детского хозяйства: пусть она тоже имеет свой красный уголок».³³ Будущее Насти – в смерти.

Авторский анализ смерти не только ширится, но переходит в сарказм. Вот Козлов, став начальником, прекращает изъяснения в любви одной дамы стихами:

«Где раньше стол был яств,
Теперь там гроб стоит!»

Отправленные в деревню для проведения раскулачивания Сафронов и Козлов убиты и теперь «политические трупы» надлежит сторожить от «зажиточного бесчестья». Тема смерти как убийства ширится.

Продолжая развивать идею живых мертвецов, которые ничем не отличаются один от другого, Платонов и в эпизоде с мертвыми телами находит способ это подчеркнуть. Вначале – Чиклин ложится спать между трупами, «...потому что мертвые – это тоже люди», а потом рассуждает вслух: «- Ты кончился, Сафронов! Ну и что ж? Все равно я ведь остался, буду теперь как ты... ты вполне можешь не существовать...

- А ты, Козлов, тоже не заботься жить. Я сам себя забуду, но тебя начну иметь постоянно. Вся твою погибшую жизнь, все твои задачи спрячу в себя и не брошу их никуда, так что ты считай себя живым»³⁴ Отмечу, что поскольку идеи, ради которых погиб Козлов и в самом деле живы, бытие смерти обретает новое измерение.

Вощев, продолжая отыскивать истину жизни, без которой он не может жить, спрашивает активиста, полагается ли истина пролетариату. Активист отвечает, что пролетариату полагается движение, при этом, все встреченное им на пути, пойдет в общий котел и «ты ничего не узнаешь». Значит, надежды на познание чего-либо помимо смерти, нет.

«Встреченная» активистом смерть в лице убитых Сафронова и Козлова тут же утилизируется им в «похоронное шествие», которое поможет массам почувствовать «торжественность смерти во время развивающегося светлого момента обобществления имущества». Отмечу, что слово «торжественность» происходит от «торжества» и это походит на прямое авторское обозначение происходящего – торжества смерти.

И снова Платонов не удерживается от сарказма: обнаруживается, что мертвых на столе стало уже четверо. Активист поясняет Чиклину, что последний мертвец – доброволец, «лично умерший» от вида «организованного движения» масс в колхоз.

По улицам деревни бродят массы, а над ними встает вечерняя желтая заря, похожая на «свет погребения». Вновь прямое указание на смерть.

---

³³ Там же. С.128.

³⁴ Там же. С. 138.

В этой атмосфере не унывают лишь активист и Чиклин. Первый транслирует указания из района или выдумывает их сам. Так, он велит председателю сельсовета «средняцкому старичку» беречь бедняков от кулацких хищников и старичок тут же идет делать сторожевую колотушку - снова сарказм Платонова. Чиклин же, на все тот же вопрос Вощева об обретении смысла жизни, отвечает, чтоб тот жил так, как будто он уже есть: «видишь, нам все теперь стало ничто...»³⁵ Что такое «ничто», как не обозначение состояния людей, которые будто бы есть, но которых на самом деле нет?

Вот Чиклин ходит по деревне. В одной избе в гробу лежит мужик, намеревающийся умереть. В церкви курит стриженный поп, который тех, кто приходит и крестится, записывает в поминальный листок и потом доставляет активисту. Поп признается Чиклину, что ему «жить бесполезно», потому как он остался без Бога, а Бог без человека. И тут следующий шаг – смерть.

Значительную часть финала повести составляет подготовка и сплав на плоту в море и далее в океан «кулака как класса». В подготовку входит не только изготовление плота, но и уничтожение всего живого, что сопутствовало крестьянину в жизни прежде. Так, старый пахарь Крестинин «целовал молодые деревья в своем саду и с корнем сокрушал их прочь из почвы», а безубыточные мужики убивают голодом лошадей, «чтоб обобществиться лишь одним своим телом, а животных не вести за собою в скорбь».³⁶ Будущее – тоже скорбь и смерть.

Отмечу, что у Платонова живущие в Смерти люди кажутся более приспособленными к умиранию, чем к жизни. Это впечатление создается, возможно, от того, что они представляются читателю либо менее чувствующими, либо более терпеливыми. Но одно из самых сильных мест в повести, посвященных теме смерти, о том, как умирает лошадь.

Хозяин двора «взял клок сена из угла и поднес лошади ко рту. Глазные места у кобылы стали темными, она уже смежила последнее зрение, но еще чужла запах травы, потому что ноздри ее шевельнулись и рот распался надвое, хотя жевать не мог. Жизнь ее уменьшалась все дальше, сумев дважды возвратиться – на боль и еду. Затем ноздри ее уже не повелись от сена, и две новые собаки равнодушно отъедали ногу позади, но жизнь лошади еще была цела – она лишь бледнела в дальней нищете, делилась все более мелко и не могла утомиться».³⁷

Когда кулаки сплавлены в океан, наступает черед умирать для других героев. Вслед за убитыми Сафроновым и Козловым даже активист «должен быть немедленно изъят из руководства навсегда». Чиклин активиста убивает. Следом умирает Настя. Колхозники пришли на котлован и «работали с таким усердием жизни, будто хотели спастись навеки в пропасти котлована».³⁸ Жачев, потерявший после смерти Насти веру в будущее, уползает, чтобы на

---

³⁵ Там же. С. 142.

³⁶ Там же. С. 154.

³⁷ Там же. С. 155.

³⁸ Там же. С. 187.

прощанье убить товарища Пашкина. Более на котлован он уже никогда не возвращается. Последней фигурой, возникающей в финале повести, оказывается Мишка-молотобоец: Чиклин дал ему прикоснуться к Насте на прощанье. Смерть, кажется, забрала всех, кого могла. А уход остальных – только вопрос недолгого времени.

В «Котловане» прошлое, настоящее или будущее героев никак не связано с жизнью, а, напротив, обусловлено смертью. В том числе, автор не видит в жизни героев чего-либо, что ориентирует их на Жизнь. Так, когда в бараке землекопов установили радиорупор, «чтобы во время отдыха каждый мог приобретать смысл классовой жизни из трубы», Жачеву и наравне с ним Воцеву, «становилось беспричинно стыдно против говорящего и наставляющего, а только все более ощущался личный позор. Иногда Жачев не мог стерпеть своего угнетенного отчаяния души, и он кричал среди шума сознания, льющегося из рупора:

- Остановите этот звук! Дайте мне ответить на него!.. »³⁹

Образом репродуктора, назначение которого – информацией связать воедино разрозненных людей – Платонов еще раз подчеркивает их крайнюю разобщенность. Власть предлагает землекопам для единения то, что не только не объединяет их, но отчего им, напротив, становится «стыдно». Единения, в чем проявляет себя жизнь, нет ни теперь, ни в будущем. Герои Платонова почти ни в чем друг другу не сочувствуют, не сопереживают, ничем живым не соединены. Они существуют рядом, но по отдельности, даже двигаясь либо гуськом, либо параллельно, но не будучи ничем объединенными. (А если они объединены, то это случается так, как, например, у крестьян, волокущих караван связанных гробов, то есть объединение это смертное).

Но вот рупор смолк и Сафронов, «заметив пассивное молчание, стал действовать вместо радио:

- Поставим вопрос: откуда взялся русский народ? И ответим: из буржуазной мелочи! Он бы и еще откуда-нибудь родился, да больше места не было. А потому мы должны бросить каждого в рассол социализма, чтоб с него слезла шкура капитализма и сердце обратило внимание на жар жизни вокруг костра классовой борьбы и произошел бы энтузиазм!..»⁴⁰ Рассол, от которого слезает шкура; жар костра как первопричина энтузиазма. Смыслы эти далеки от живого и, напротив, близки к смертному.

А вот Чиклин, объясняя девочке черты меридианов на карте СССР, подтверждает ее догадку, что это «загородки», чтобы «буржуи к нам не перелезали». В разговоре девочки и Сафронова о крестьянах–кулаках объясняется, что убить двух человек нельзя. Установка власти – убивать класс. И девочка понимает это, потому что имеет опыт смерти – вспоминает умершую буржуйку-мать.

---

³⁹ Там же. СС. 120 – 121.

⁴⁰ Там же. С. 121.

Смерть ждет героев и в будущем. Так, Прушевский, глядя на девочку, сожалеет, «что этому существу, наполненному, точно морозом, свежей жизнью, надлежит мучиться сложнее и дольше его».⁴¹ Активист призывает колхоз «к социалистическому порядку, ибо все равно дальнейшее будет плохо».⁴² А Воцев говорит Насте: «...Трудись и трудись, а когда дотрудишься до конца, когда узнаешь все, то уморишься и помрешь. Не расти, девочка, затоскуешь!»⁴³

И еще в обоснование господствующего положения и бытия смерти – неожиданно прорезающийся авторский голос. Так, Воцев отошел в сторону от землекопов и девочки и прилег полежать, «довольный, что он больше не участник безумных обстоятельств». И итог: «устало длилось терпение на свете, точно все живущее находилось где-то посередине времени и своего движения: начало его всеми забыто и конец неизвестен, осталось лишь направление».⁴⁴

Смерть везде, во всех и во всем. Совершенно прав в своих впечатлениях Иосиф Бродский, когда говорит, что сюрреализм Платонова, (а, на мой взгляд, это сочувствующая сатира, иногда переходящая в сарказм), – есть «форма философского бешенства, продукт психологии тупика».⁴⁵ Как отметил однажды сам автор «Котлована»: народ жить хотел. Но жить было нельзя. «Котлован» - квинтэссенция смертного мироощущения его автора.

Смерть в романе и в истории. «Чевенгур»

Хотя «Чевенгур» является признанным социально-философским романом, написанным, к тому же, раньше повести «Котлован», я начал именно с «Котлована» потому, что именно в нем исследуемый Платоновым смысл «Жизнь в СССР – это жизнь в смерти» стал центральным предметом рассмотрения. И если в «Котловане» это явление раскрывается как вполне развившееся, зрелое, «ставшее», то в «Чевенгуре» автор пока еще притворяется, что этого вывода не знает и путешествует вместе с героями в поисках смысла коммунистической жизни.

Роман – художественное исследование коммунистической теории и ее практической реализации в России. По этой причине я буду прибегать как к анализу отдельных положений марксизма, так и к реальной исторической практике первых шагов большевизма вплоть до начала 30-х годов – времени окончания романа.

* * *

История Захара Павловича, одного из главных героев романа, начинается в предсоветское время, в которое люди также живут чуть ли не в обнимку со смертью. Через четыре года на пятый случается неурожай и село снимается с места. Часть детей умирает «заранее». Матери-кормилицы либо

---

⁴¹ Там же. С. 123.

⁴² Там же. С. 143.

⁴³ Там же. С. 171.

⁴⁴ Там же. С. 131.

⁴⁵ Там же.

недокормом, либо отравой умервщляют грудничков и верят, что теперь они отмучились и «слушают в раю серебряные ветры». Съев ящерицу и задохнувшись собственной зеленой рвотой, умирает бобыль - товарищ Захара Павловича по лесному житью.

Тема смерти концентрированно проступает в романе, начиная с первых страниц. Она органична в жизни героев. Рыбак с озера Мутево «многих расспрашивал о смерти и тосковал от своего любопытства». Он вообще «видел смерть как другую губернию, которая расположена под небом, будто на дне прохладной воды, и она его влекла».⁴⁶ Он намеревался «пожить в смерти и вернуться» и однажды свое намерение осуществил, связав ноги веревкой, чтобы нечаянно не поплыть. От отца остался сын Саша и подзаголовок романа «путешествие с открытым сердцем» – о нем.

В конце своего земного странствия Саша, как отец, возвращается к озеру. На берегу Пролетарская Сила путается в удочку, забытую Сашей в далеком детстве, когда он был рядом с отцом. Жизненный путь – по кругу – пройден. Возвращение состоялось. Странствие было бездомьем, а здесь - озеро, кладбище и ямка - настоящий дом. В принципе, можно было никуда не ходить. Прямо с седла Саша сходит «в воду – в поисках той дороги, по которой когда-то прошел отец в любопытстве смерти, ...потому что Александр был одно и то же с тем еще не уничтоженным, теплящимся следом существования отца».⁴⁷

Правда, еще в детстве, вскоре после смерти отца, Саша еще раз посещает озеро, потому что рядом расположено кладбище, за оградой которого лежит утопленник. Это было, когда Прохор Абрамович посылал Сашу побираться. Тогда он начал рыть рядом с могилой отца для себя землянку. Потом, в горячечном бреду, он все бормотал, чтобы «отец берег палку и ждал его на озеро в землянку».⁴⁸ Отец годами созерцал озеро и «думал все об одном и том же – об интересе смерти». Он годами бродил по свету, но интереса к смерти не потерял. Почему жизнь не задержала Сашу у себя? Может, потому, что везде оборачивалась смертью? И есть ли из этого тупика выход? Обратимся к роману.

Хотя Платонов, как кажется, переходя к послереволюционной жизни героев, оставляет в стороне проблему бытия смерти в жизни (по крайней мере, не говорит о ней прямо и последовательно), на самом деле это не так. Непосредственное рассмотрение смерти автор «Чевенгура» с момента начала странствий Саши заменяет рассмотрением опосредованным. В финале всех сюжетных коллизий, включая и небольшие эпизоды, как правило, маячит смертельный исход. В завершении любого предприятия героя поджидает смерть. Но, в отличие от Толстого, в самих людях и между ними нет любви и, значит, нет спасения. Единственный (за исключением отцовского чувства Захара Павловича к Саше) случай длящегося «любовного переживания» -

---

⁴⁶ Там же. С. 192.

⁴⁷ Там же. С. 551.

⁴⁸ Там же. С. 208.

между Степаном Копеникным и замученной буржуями в далекой Германии Розой Люксембург – откровенный лирический фарс. По большому счету между персонажами даже нет сколько-нибудь прочных связей. Все они живут и движутся на параллельных, редко пересекающихся траекториях, все всего лишь функциональны. Все действуют только в логике поручения (наказа, принуждения) – исполнения (подчинения). Между ними нет признаков живой жизни, а есть механические действия, похожие на приготовления к смерти, подобные тем, которые совершает Чиклин с мертвыми Козловым, Сафроновым и еще двумя крестьянами.

С точки зрения проблемы жизни и смерти - может быть самый интересный герой романа - Захар Павлович. У него более сложная, чем у Саши Дванова, мировоззренческая история. В начале это человек, никогда не создавший ни семьи, ни жилища. Его не интересуют ни люди, ни природа. Он любит безлюдье и со страстью изготавливает разные предметы. Тем не менее, именно он ведет Сашу за руку на похоронах отца и определяет в семью Прохора Абрамовича.

Потом его жизнь целиком заполняют «бешеные железнодорожные поезда». В них он любил и чувствовал «готовое изделие – то, во что превратился посредством труда человек и что дальше продолжает жить самостоятельной жизнью».⁴⁹ Вслед за машинистом-наставником он понимает, что «в труде каждый человек превышает себя», постигает один из важнейших природных законов, согласно которому «тишиной и грустью», «постоянством горькой тоски ...равномерные силы природы всю землю держат в оцепенении» и «какими были деревни и люди, такими и останутся». И даже посылаемая человеку природой беда всегда повторяется - «ради сохранения равновесия в природе». «Был четыре года назад неурожай – мужики из деревни вышли в отход, а дети легли в ранние могилы, - но эта судьба не прошла навеки, а снова теперь возвратилась: ради точности хода всеобщей жизни».⁵⁰

Новый поворот в сознании Захара Павловича случается после встречи с побирающимся Прошкой. С этого момента мастер «усомнился в драгоценности машин и изделий выше любого человека». «Он увидел, что время – это движение горя и такой же осязаемый предмет, как любое вещество, хотя и не годное в отделку».⁵¹ Более того. Ему становится скучно и стыдно за то, что как ни в чем не бывало продолжают идти часы церковного сторожа, а поезда следовать своему расписанию, в то время как умирают рыбак, бобыль и вымирают деревни. Захар Павлович убеждается, что люди живут на свете «голыми» и не обманываются надеждами на помощь машин. Иллюзия, что смерть преодолевается разумом и его продуктами, отпадает.

Здесь же Платонов формулирует две главные идеи дальнейшего содержания романа, обе безысходные, но вокруг которых будет идти

---

⁴⁹ Там же. С. 216.

⁵⁰ Там же. С. 220.

⁵¹ Там же. СС. 223 – 224.

обсуждение главного философского вопроса – как жить? Первый – о радикальном социальном перевороте: могут ли люди посредством революции устроить жизнь по-новому? И следует отрицательный ответ, данный на примере Прошки: «Он бы нарушил что-нибудь, сукин сын!.. Хотя Сашка и при его царстве побирался бы».⁵² Революция – катастрофа, которая происходит независимо от того, какие люди ее совершают. И жизнь все равно протекает при доминировании смерти.

И второй ответ – о времени, революции предшествовавшем, о капитализме, когда господствующей формой сделались товарно-денежные отношения: «...Когда исчезнет в рабочем влекущее чувство к машине, когда труд из безотчетной бесплатной естественности станет одной денежной нуждой, - тогда наступит конец света, даже хуже конца – после смерти последнего мастера оживут последние сволочи, чтобы пожирать растения солнца и портить изделия мастеров».⁵³ И опять перед нами торжество смерти. По этой причине и Захар Павлович «стал жить смиренно, уже не надеясь на всеобщее коренное улучшение: сколько бы ни делать машин – на них не ездить ни Прошке, ни Сашке, ни ему самому».⁵⁴

А далее, для проверки этих идей, начинается история про странствия Саши Дванова и про страну Чевенгур, в которой создается завтрашний день.

* * *

Тема революции, как никакая другая изобилует авторскими вкраплениями. И по главному для себя вопросу, не смотря на то, что в стране уже начались политические процессы, Андрей Платонов высказывается столь же смело, как и в начале 20-х, когда говорил о необходимости физического уничтожения всей буржуазии.

Вот Саша и Захар Павлович пришли записываться в партию большевиков и Захар Павлович думает, что большевики, наверное, будут «умнейшей властью, которая либо через год весь мир окончательно построит, либо поднимет такую суету, что даже детское сердце устанет». И тут же формулирует рецепт отношений власти и народа: «Имущество надо унижить... А людей оставить без призора - к лучшему обойдется, ей-богу, правда!»⁵⁵ Такова платоновская позиция.

Но этот рецепт не принимается большевиками. Они действуют по-другому. Вот встреченный Двановым в губернии «бог», который ест глину, а надеждой имеет мечту. Для того, чтобы крестьяне в него поверили, он решает в одну ночь объявить отъем земли, а на другую – раздачу ее обратно. В этом случае «большевистская слава по чину» будет его. Или, как выражается товарищ Чепурный, ревком нужен для того, чтобы «жилять» пролетариат. А если не «жилять», то тогда ревком следует упразднить. А этого нельзя. То же отвечает Захару Павловичу и принимавший у Саши документы в партию большевик: люди без призора - это анархизм. Что

---

⁵² Там же. С. 225.

⁵³ Там же. С. 226.

⁵⁴ Там же. С. 233.

⁵⁵ Там же. С. 237.

означает этот «призор» покажут коммунистические «реформы» Чепурного в Чевенгуре.

Надо отметить, что реально имевшие место в истории большевистские манипуляции с землей по своей технологии очень напоминают планы «бога» с коррекцией на временной отрезок в одну ночь. Это ясно видно на примере изменения большевистского аграрного законодательства, начиная с лозунга Октября «Земля – крестьянам!». Так, раздав землю в первые месяцы после октября, большевики в течение 1918 – начала 1921 годов последовательно отбирали саму землю и свободу хозяйствования на ней назад, а с «поворотом» к НЭПу – фактически снова отдали. Как оказалось, опять же, только на несколько лет.⁵⁶

Не видят без власти для себя жизни и маленькие большевистские начальники, из рабочих. Так, предревкома, машинист из депо, говорит Дванову: «Революция – риск: не выйдет – почву вывернем и глину оставим, пусть кормятся любые сукины дети, раз рабочему не повезло!»⁵⁷ Значит, пусть приходит смерть. И такое настроение массовое. Напомню небольшой эпизод с матросом в поезде, которому не спалось и он от скуки стрелял в дверной проем в попутные огни железнодорожных жилищ и сигналов, чтобы приобрести себе чувство воевать за людей, пострадавших от его руки. После этого он сразу удовлетворенно заснул.

Социализм как «конец всему» в реальности может наступить только потому, что «людям некуда деться» и им остается только «сложиться вместе от страха бедствий и для усиления нужды». Но, может, они уже «самодельно» изобрели социалистические элементы жизни? Для проверки этой идеи предгубисполкома Шумилин посылает в губернию «этичного научного парня» Сашу Дванова.

Саша и командир степных большевиков Степан Копенкин начинают путешествие с села Ханские дворики, где абсурдность жизни обеспечивается руководством полномочного волревкома по имени Федор Достоевский. Овладевшее им чувство – тоска – происходит от незнания, как строить социализм. Рецепт Дванова и Копенкина о строительстве новой жизни – перетащить село и согнать его обитателей на новое место - быстро приблизит смерть.

В лесничестве произведенный Двановым и Копенкиным расчет производительной отдачи от леса и от поля приводит к их решению вырубить лесной массив. В этом эпизоде смерть принимает вначале облик гибели природы, а уж потом человека.

В похождениях Дванова и Копенкина поражает простота предлагаемых решений в свете исповедуемых ими идей. Советы Саши вполне укладываются в унаследованную от Захара Павловича веру в могущество машин и в его приверженность коммунистическим идеям. Идеи Копенкина

---

⁵⁶ Подробнее об этом см.: Никольский С.А. «Власть и земля. Хроника утверждения бюрократии в деревне после Октября». М. 1990.

⁵⁷ Андрей Платонов. Ювенильное море. С. 241.

нацелены дальше – на торжество коммунизма в мировом масштабе.

Описываемый Платоновым большевистский фанатизм – не художественная выдумка. «Военно-коммунистическое» мировоззрение того времени, говоря современным языком, насквозь было пропитано духом партийного сциентизма — безоглядной веры в возможности «коммунистического» знания и немедленного действия, отвечающего интересам «неимущих масс». Как свидетельствуют современники дискуссий той поры, стоило кому-либо из теоретиков произнести, например, слово «электричество» или «электрический плуг» и дальнейшие вопросы как бы растворялись, а у собеседников появлялась уверенность в возможности простого разрешения любых проблем. И это касалось не только техники и технологии, но и любых аспектов изменения сознания и самой природы человека.

Об имущих и неимущих массах послушаем Ленина: «Если крестьянин сидит на отдельном участке земли и присваивает себе лишний хлеб, т. е. хлеб, который не нужен ни ему, ни его скотине, а все остальные остаются без хлеба, то крестьянин превращается уже в эксплуататора. Чем больше оставляет он себе хлеба, тем ему выгоднее, а другие пусть голодают: «чем больше они голодают, тем дороже я продам этот хлеб»⁵⁸. Надо, формулирует он задачу «военно-коммунистического» замысла, «чтобы все работали по одному общему плану на общей земле, на общих фабриках и заводах и по общему распорядку. Легко ли это сделать? Вы видите, что тут нельзя добиться решения так же легко, как прогнать царя, помещиков и капиталистов. Тут надо, чтобы пролетариат перевоспитал, переучил часть крестьян, перетянул тех, которые являются крестьянами трудящимися, чтобы уничтожить сопротивление тех крестьян, которые являются богачами, наживаются на счет нужды остальных».⁵⁹

Эти мысли в разных вариантах воспроизводят герои Платонова – коммунисты. Такого рода примеров в его текстах множество. Но вот - слово самого автора. Встреченный Двановым кузнец соображает, «что перед ним такой же странный человек, как все коммунисты: как будто ничего человек, а действует против простого народа».⁶⁰ Произносимые кузнецом слова могут быть отнесены не только на счет персонажа, но и – по смыслу романа – к авторским. «Десятая часть народа – либо дураки, либо бродяги, сукины дети, они сроду не работали по-крестьянски – за кем хошь пойдут. Был бы царь – и для него нашлась бы ячейка у нас. И в партии такие же негодящие люди... Ты говоришь – хлеб для революции! Дурень ты, народ ведь умирает – кому ж твоя революция останется?»⁶¹

Следующий пункт в путешествии Дванова и Копенкина – коммуна «Дружба бедняка». Ее изображение почти точно воспроизводит реальные коммуны, создаваемые советской властью в первые годы. Существовали они

⁵⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 310.

⁵⁹ Там же. СС. 310 – 311.

⁶⁰ Андрей Платонов. Ювенильное море. С. 325.

⁶¹ Там же.

исключительно на дотации государства и, как в описываемом Платоновым случае, «доедая» провиант, захваченный в экспроприированном имении. Работали коммунары, как правило, из рук вон плохо. И в платоновской коммуне – гротескном изображении действительности – крестьяне вовсе не пашут, дабы не нарушать устроенный порядок нахлебничества.

Абсурдность реального советского опыта Платонов усугубляет «обоснованиями» необходимости такого рода существования. Цель коммуны – «усложнение жизни», чтобы изгнанным кулакам и буржуям «в узкие места сложности не пролезть». Но коммуна – не просто пример отдельного идиотизма. После того, как коммуна выстоит в борьбе против бродящих по степи бандитов, должно придти время «завоевания земного шара», а потом «наступит час судьбы всей вселенной, настанет момент страшного суда человека над ней...»⁶²

Платонов точно воспроизводит большевистские мечтания о мировой революции и даже распространяет ее за пределы планеты. Такого рода перспектива – не плод авторской фантазии, а возникла из партийных обсуждений и дискуссий. В первые годы после захвата власти (а в соответствии со взглядами некоторых исследователей, и вплоть до начала Отечественной войны) идеи мировой революции, поддержка которой должна была исходить из России, вполне разделялись руководителями страны. Более того, ее подготовка была одной из задач созданного Москвой III Интернационала, в том числе – немалым финансированием. (Краем эту тему задевает Платонов: «В то время Россия тратилась на освещение пути всем народам, а для себя в хатах света не держала»)⁶³.

Одним из непоколебимых сторонников «военно-коммунистических» приемов перехода к новому строю, кроме Л. Троцкого, был товарищ Н. Бухарина, известный теоретик партии Е. Преображенский. В научно-футурологическом эссе автор от лица профессора русской истории Минаева (который, будучи «гармонически развитой личностью», одновременно служит слесарем в железнодорожных мастерских) рассказывает в 1970 году о событиях после введения нэпа. Само собой разумеется, его устами говорит автор.

Прежде всего, обращается к своим слушателям профессор-слесарь, вы должны попытаться в истинном свете представить тех людей, которые участвовали в революции. «Вам, например, трудно поверить, что великие дела этой эпохи совершали люди с такими слабостями, недостатками, иногда с преступными наклонностями, почти всегда с необычайно низким культурным уровнем, как было в действительности, поскольку мы говорим об общей массе, а не об отдельных единицах или небольших группах»⁶⁴. Эти люди с психологией, представляющей из себя поле сражения между «вчера» и «завтра», несли на себе все вековое варварство и некультурность.

---

⁶² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 305.

⁶³ Андрей Платонов. Ювенильное море. С. 327.

⁶⁴ Преображенский Е. От НЭПа к социализму. Взгляд в будущее России и Европы. М. 1922. С.81

После введения нэпа в экономике воцарился «рыночный хаос». Финансируемая Госбанком и руководимая ВСНХ промышленность функционировала капиталистически — например, торговала не только с необобществленной частью хозяйства, но и внутри социалистического сектора. Экономике начали потрясать перепроизводства и дефицит, средства тратились неоправданно и т. п. В этих условиях должно было возобладать плановое начало. Государство взяло все в свои руки: было известно — сколько, чего, кому, как, из чего, куда и когда должно быть произведено и поставлено. Интересы производителей и потребителей замечательно совпали.

Но этим были решены не все проблемы. Оставалось необобществленное сельское хозяйство. Государство начало планомерную и всеохватывающую работу по учету крестьянского производства и рынка. Посредством рычагов цен сельское хозяйство стало включаться в плановое регулирование. Но все же проблема равномерного развития промышленности и сельского хозяйства оставалась. Нужно было переходить от мелкотоварного производства к крупному социалистическому земледелию. Этот шаг сделать до поры до времени не удавалось. Люди еще «не поняли» всех преимуществ социализма. Нужен был, кроме того, длительный период «всеобщей слежки друг за другом», чтоб качественная и продуктивная работа сделалась привычной, стала «инстинктом труда», выковавшимся из «разумного принуждения».

Одновременно Советское государство начало испытывать «ограниченность своих экономических средств для мощного движения вперед»⁶⁵. Требовалось новое перераспределение производительных сил Европы. «Психологически это выражалось в известном «натиске на Запад», во все более и более нервном ожидании пролетарской революции на Западе и в нетерпении, напоминавшем нетерпение 1917-1920 гг.»⁶⁶ Развитие производительных сил России толкало ее на Запад с тем, чтобы ускорить поворот производительных сил Запада в сторону России. «Если б революция на Западе заставила себя долго ждать, такое положение могло бы привести к агрессивной социалистической войне России с капиталистическим Западом при поддержке европейского пролетариата»⁶⁷. Этого не произошло: революция на Западе стучалась в двери. Массы, по мнению Преображенского, разочаровались в капитализме. События разворачивались стремительно. Возникли Советская Австрия и Советская Германия. Против них выступили Польша и Франция, но внутри этих стран начались восстания рабочих. В войну вступила Советская Россия. Конница Буденного лавиной прокатилась по степям Румынии и воссоединила Болгарию и Россию. Красная Армия и вооруженные силы Советской Германии вступили в Варшаву. Победа пришла к пролетариату Франции и Италии. Помощь буржуазии Северо-Американских Соединенных Штатов, спешившая через океан, опоздала. Возникла Федерация Советских республик Европы с

---

⁶⁵ Там же. С. 119

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же. С. 120.

единым плановым хозяйством. Промышленность Германии соединилась с русским земледелием. Советская Россия, перегнавшая до этого Европу в политической области, теперь «скромно заняла свое место экономически отсталой страны позади передовых индустриальных стран пролетарской диктатуры».⁶⁸

Сравним слова Преображенского с мимолетной мыслью командира полевых большевиков: «Копенкин ехал поникшим от однообразного воспоминания о Розе Люксембург. Вдруг в нем нечаянно прояснилась догадка собственной неутешности, но сейчас же бред продолжающейся жизни (о бреде говорит, конечно же, сам автор. – С.Н.) облек своею теплотой его внезапный разум, и он снова предвидел, что вскоре доедет до другой страны и там поцелует мягкое платье Розы, хранящееся у ее родных, а Розу откопает из могилы и увезет к себе в революцию»⁶⁹. Разве между текстами есть диссонанс?

Очередной пункт путешествия героев по преобразованной большевиками стране – «Революционный заповедник товарища Пашинцева имени всемирного коммунизма. Вход друзьям и смерть врагам». Приют униженных и оскорбленных располагается в одном из платоновских обиталищ смерти - среди старого хозяйства, от которого уцелели остатки служб и малых домов, лежащих в зарослях кустов и трав «как могилы на погосте». Да и колонны барского дома «сторожили пустой погребенный мир». Обитатели заповедника, также как и коммунары, не работают, а живут за счет остатков фруктового сада и природного самосева: из крапивы щи варят. Хозяин пристанища Пашинцев - непримиримый революционер, сознательно остановивший для себя мир в 1919 году и с тех пор хранящий революцию «в нетронутой героической категории». Его вневременное состояние подчеркивается странными средневековыми доспехами, которые в то же время могут служить символом организуемых большевиками преобразований, равно как и не действующие гранаты. Сам Пашинцев объясняет то, что «ходит в железе и ночует на бомбах» – политикой, посредством которой он «берет» народ. Как недалеко от действительности эта писательская придумка: большевики ведь тоже имели свою форменную одежду – кожанки, но вот бомбы и револьверы у них были действующие и пользовались они ими не понарошку. Пашинцев мало чем отличается от прочих платоновских руководящих персонажей. Он так же вооруженным путем освобождает для неимущих занимаемое прежде помещиками и сельскими буржуями место, так же бездельничает, надеется на «самосев», так же сбивает в кучу лодырей-неимущих.

Образы Платонова – способ насмешки (если не издевательства) над мировоззрением большевиков. Однако под ним, следующим слоем проглядывает реальность и тогда читателю становится не до смеха. За

---

⁶⁸ Там же. С. 137-138.

⁶⁹ Андрей Платонов. Ювенильное море. С. 307.

средневековыми латами – комиссарские кожанки, за Розой Люксембург – готовящий мировую революцию III Интернационал, за устройством заповедника, Чевенгура или сплавом кулаков посредством плота – реальные расстрелы, конный бросок Красной Армии на Варшаву, выселения и уничтожение «непролетарских элементов» по всей стране.

Играть в революционные игры могут фанатично настроенные или ущербные люди - такие как Саша Дванов и Копенкин. О Дванове Платонов, например, говорит как о человеке, которого переполняет сила «нетерпения к своему будущему, ожидающему его за этой дорогой. В нем встала детская радость вбивать гвозди в стены, делать из стульев корабли и разбирать будильники, чтобы посмотреть, что там есть»; и еще как о человеке, исполняющим «жизнь вперед разума и пользы». Обладая «узким, бедным умом», но посредством «отвлеченной любви молодости», Саша мог «добавочно и внезапно видеть неясные явления, бесследно плавающие в озере чувств».

Копенкин же, о котором Платонов отзывается как о человеке, не умеющем думать, тем не менее, обладает «спокойным духом и ровной верой в летнюю недалекую страну социализма, где от дружеских сил человечества оживет и станет живою гражданкой Роза Люксембург».⁷⁰ Неудержимый в своих фантазиях подросток и запрограммированный на революционное действие не способный думать убийца – такова пара друзей, путешествующих по стране в поисках самосевого коммунизма⁷¹. «Товарищи грабить поехали, пропасти на них нет!» - так определяет наших героев встретившийся им в степи человек. Впрочем, разрешает себе такую мысль он только тогда, когда отошел достаточно далеко.

Дванов и Копенкин – не исключения, они норма. В эпизоде партийного собрания секретарь губкома, бывший железнодорожный техник, на редкие слова об объективных условиях, «разности и единичных числах», из которых состоят человеческие сообщества, обрывает: «Нам важно знать, ...что нам делать по выходе отсюда из дверей. А он тут плачет нам о каких-то объективных условиях. А я говорю – когда революция, тогда нет объективных условий...»⁷² Мировидение большевиков, присущее им

---

⁷⁰ Там же. С. 319.

⁷¹ Всего один раз Платонов дает нам понять, как относится к путешественникам и к тому, что они творят, большевистская власть. Это оценка посланного Дванова в недра губернии Шумилина: «Тебя послали, чудака, поглядеть просто – как и что. А то я все в документы смотрю – ни черта не видно, - у тебя же свежие глаза. А ты там целый развал наделал. Ведь ты натравил мужиков вырубить Биттермановское лесничество, сукин ты сын! Набрал каких-то огарков и пошел бродить...» Там же. С. 338. Однако сделано это мимоходом и звучит так же неубедительно, как и запоздалая отставка за перегибы активиста в «Котловане». Дванов, Копенкин, Пашинцев, Чепурный, Прошка и прочие руководители – одно целое тела большевизма. И сам замысел обречен на провал: «А я тебе говорю, что все мы товарищи лишь в одинаковой беде. А будет хлеб и имущество – никакого человека не появится. Какая же тебе свобода, когда у каждого хлеб в пузе киснет, а ты за ним своим сердцем следишь! Мысль любит легкость и горе...», - говорит Гопнер, один из умных большевиков. Там же. СС. 341 – 342.

⁷² Там же. С. 341.

небрежение человеческой жизнью, а иногда – и своей собственной, непонимание того, какое будущее и каким образом они хотели бы создать и – при этом – не естественное для разумного человека действие – вначале думать, а потом действовать, а, напротив, противоположное – кончается уничтожением живого, смертью. Смерть – основной атрибут разворачивающейся в СССР жизни – постоянно звучащая мысль писателя.

* * *

Уездный центр Чевенгур, превращенный в реальный коммунизм и его вождь председатель ревкома, а ныне уисполкома Чепурный – главная и конечная точка путешествия наших героев. Здесь же, в этой части романа, собрано наибольшее количество смыслов, раскрывающих значение коммунизма.

Уже в первых словах при знакомстве с Сашей Чепурный сообщает: «у меня коммунизм стихией прет» и что в Чевенгуре коммунизмом обозначен конец всемирной истории – «на что она нам нужна?» В городе не было ни денег, ни бюджета, потому как жители «давно предпочли счастливую жизнь всякому труду, сооружениям и взаимным расчетам». Здесь живет «общий и отличный человек ... без всякого комода в горнице, - вполне обаятельно друг для друга». Один из жителей формулирует Копенкину отличие их жизни от предшествующей - при капитализме: « - У нас, товарищ, тут покой человеку: спешили одни буржуи, им жрать и угнетать надо было. А мы кушаем да дружим...»⁷³

Тема – как строить и жить при коммунизме волнует героев постоянно. Размышляя над ней, Саша сосредотачивается на использовании природы в качестве заместителя трудящегося человека. Он хочет «мобилизовать солнце на вечную работу». Копенкин способен только «чувствовать» коммунизм и сам для себя решает – есть он или отсутствует. Что же до Чепурного, то он, не зная чем заняться «после погребения буржуазии», в качестве последнего варианта посредством Прокофия Дванова обращается к Карлу Марксу. Эпизод этот, как и иные подобные сюжеты у Платонова, носит фарсовый характер. Умея лишь разрушать и уничтожать, Чепурный и в этом случае находит один естественный для него вывод: вначале остатки населения выдворяются из Чевенгура, а в случае возвращения уничтожаются. «Писал-писал человек, - сожалел Чепурный, - а мы все сделали, а потом прочитали, - лучше бы и не писал!

Чтобы не напрасно книга была прочитана, Чепурный поставил на ней письменный след поперек заглавия: «Исполнено в Чевенгуре вплоть до эвакуации класса остаточной сволочи. Про этих не нашлось у Маркса головы для сочинения, а опасность от них неизбежна впереди. Но мы дали свои меры» Затем Чепурный бережно положил книгу на подоконник, с удовлетворением чувствуя ее прошедшее дело».⁷⁴

---

⁷³ Там же. С. 358, С. 370.

⁷⁴ Там же. С. 492.

Платонов несколько раз обращается к теме содержания коммунизма и каждый раз авторской речью свидетельствует отсутствие не только у чевенгурцев, но и у власти какого-либо представления о том, что это такое. На героев и жителей Маркс глядит со стен как «чуждый Саваоф», а его «страшные» книги не могут довести «до успокаивающего воображения коммунизма».

Назначенные к уничтожению чевенгурцы не оказывают сопротивления большевикам. Они готовы «кротко пройти по адову дну коммунизма» (снова слова Платонова), смиренно принять смерть.

Смерти в «страшном Чевенгуре» посвящены многие страницы. Начиная с приказа Чепурного Пиюсе «сделай мне город пустым» Платонов подробно и отстраненно, как в операционной при ампутации какой-либо части человеческого тела, свидетельствует об «учреждении коммунизма». Пиюся, специализировавшийся на убийствах, был председателем чевенгурской чрезвычайки. Из-за отсутствия образования он, выполняя свою работу, «не вел бумажный учет» уничтожаемым помещикам, а «предлагал убивать пойманных помещиков самим батракам, что и совершалось».

Но это в прошлом. Теперь же предстояла казнь ради коммунизма. Осуществляется она посредством нагана, излюбленного чекистами оружия и описывается автором хирургически точно. Так, после того как Пиюся первым выпустил пулю в голову буржуя, из нее вышел «тихий пар» и человек упал на землю, «обняв ее раскинутыми руками и ногами, как хозяин хозяйку».

Чекисты ударили из нагана по безгласным, причастившимся вчера буржуйам – и буржуи неловко и косо упали, вывертывая сальные шеи до поврежденья позвонков.

...Где у тебя душа течет – в горле? Я ее сейчас вышибу оттуда!

Пиюся взял шею Завына левой рукой, поудобней зажал ее и упер ниже затылка дуло нагана».⁷⁵

После совершения экзекуции Пиюся и Чепурный «прощупали всех буржуев и не убедились в их окончательной смерти: некоторые как будто вздыхали, а другие имели чуть прикрытыми глаза и притворялись, чтобы ночью уползти и продолжать жить за счет Пиюси и прочих пролетариев; тогда Чепурный и Пиюся решили дополнительно застраховать буржуев от продления жизни: они подзарядили наганы и каждому лежащему имущему человеку – в последовательном порядке - прострелили сбоку горло – через железки».⁷⁶

Все происходит не только просто, но обыденно. И это предвидел, оправдывал и благословлял пролетарский вождь Ленин. Для государства «вчераших наемных рабов», писал он, - дело подавления будет «настолько, сравнительно, легкое, простое и естественное, что оно будет стоить гораздо меньше крови, чем подавление восстаний рабов, крепостных, наемных

---

⁷⁵ Там же. СС. 389 – 390.

⁷⁶ Там же. С. 391.

рабочих, что оно обойдется человечеству гораздо дешевле»⁷⁷. Вот так: легко и дешево.

После расстрела на площади воцарилась смерть, а «жизнь отрешилась от этого места и ушла умирать в степной бурьян». Возможно, что чевенгурская ночь «потушила мир навеки». Однако за городской чертой оставались изгнанные «полубуржуи». И потому окончательное «освобождение» города от «остаточной сволочи» продолжается с наступлением утра. На этот раз вместо нагана используется пулемет. При этом автор сообщает, что пулеметчик успевает «для аккомпанемента» в такт быстроходной отсечке пуль хлопнуть себя руками по щекам, рту и коленям. Чем не пляска смерти?

Итог действий Пиюси по поводу качественного уничтожения буржуев подводит автор: «Буржуев в Чевенгуре перебили прочно, честно, и даже загробная жизнь их не могла порадовать, потому что после тела у них была расстреляна душа».⁷⁸

Кажется, коммунизм восторжествовал. Однако десять чевенгурских большевиков не могут составлять население города, в который ненароком может заглянуть даже Ленин, и Чепурный посылает Прокофия привести в Чевенгур найденных по дорогам страны людей. Таким образом, в повествование напрямую входит классическая тема русской литературы о новом человеке. Явившись на свет в прозе И. Тургенева, Н. Чернышевского и Ф. Достоевского, она была подхвачена А. Островским, А. Чеховым и М. Горьким. Однако если у этих платоновских предшественников, за исключением Горького с его босяками, «новое» было сопряжено с позитивными, человекостроительными и миростроительными новациями, то у Платонова «новые» люди (помимо большевиков) – некие пришельцы из мира теней, люди без качества, именуемые автором «прочие». Сказать о них стоит особо.

У «прочих», сообщает автор, не было «классовой наружности» или «революционных достоинств», их возраст был «неуловим», они были чужие всем и имели лишь «непроизвольно выросшее тело». Это были люди «без всякого значения, без гордости и отдельно от приближающегося всемирного

---

⁷⁷ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 33. С. 90. Предвидимое Лениным сопротивление вчерашних эксплуататоров, а также несознательных элементов революционной власти не замедлило сказаться. Уже в начале января 1918 года Ленин требовал от любой "коммуны" — фабрики, деревни, потребительского общества — строжайшего учета и контроля за трудом и распределением продуктов в соответствии с правилами и законами социализма, в соответствии с принципом "кто не работает, тот пусть не ест". Формы и способы такого учета могут быть разнообразны. "В одном месте по садят в тюрьму десятков богачей, дюжину жуликов, полдюжины рабочих, отлынивающих от работы (так же хулигански, как отлынивают от работы многие наборщики в Питере, особенно в партийных типографиях). В другом — поставят их чистить сортиры. В третьем — снабдят их, по отбытии карцера, желтыми билетами, чтобы весь народ до их исправления, надзирал за ними, как за вредными людьми. В четвертом — расстреляют на месте одного из десяти, виновных в тунеядстве. В пятом — придумают комбинации разных средств" Там же. Т. 35. С. 204.

⁷⁸ Андрей Платонов. Ювенильное море. С. 385.

торжества».⁷⁹ «Прочие» были рождены без дара ума и чувств. У них не было матерей, потому что матери оставляли их сразу после рождения и «прочий» ребенок лежал посреди мира и плакал своему горю – навеки утраченной теплоте матери. Спустя немного времени к этому прибавлялось отсутствие отца. Поэтому «прочие» были сплошь «самодельные люди неизвестного назначения». И это оказалось именно то, что нужно ничему не желающим и ничему не делающим чевенгурцам. Кроме того, как сообщил Прокофий Чепурному: это – никто, это «интернациональный пролетариат», который нужно только вперед вести, он и не пикнет.

Идея Маркса о безнациональной природе пролетариата просматривается легко. Но Платонов идет дальше и бесстрашно доводит идею коммунизма до главного коммунистического лозунга: «...Лучше будет разрушить весь благоустроенный мир, но зато приобрести в голом порядке друг друга, а посему, пролетарии всех стран, соединяйтесь скорее всего!»⁸⁰

В связи с развитием темы «прочих» особый интерес представляет эпизод заседания ревкома с участием старика – одного из «новых» людей в Чевенгуре. Обратимся к обсуждавшимся вопросам и реакции на них участников заседания.

Вопрос об уничтожении буржуазии Чепурный формулирует так, будто их не убили, а «они сами пропали от коммунизма», на что старик соглашается: «Так будет терпимо». «Терпимо без классов», – заключает для протокола Чепурный.

О срочной организации потребительской кооперации Чепурный решает, что торговля в городе не нужна, это пройденный этап. «Так ведь степь же сама заросла чем попало – пойдешь нарви купырей и пшеницы и ешь! Ведь солнце же светит, почва дышит и дожди падают – чего же тебе надо еще? Опять хочешь пролетариат в напрасное усердие загнать? Мы же далее социализма достигли, у нас лучше его».⁸¹ Этими смыслами Платонов ставит крест на иллюзиях тех сторонников коммунистической идеи, которые заявляли о «пересмотре» Лениным своих прежних взглядов в предсмертной статье «О кооперации». Действительность и в самом деле ушла дальше и сделала «лучше», чем предлагал Ленин в 1921 году. Надо отметить, что к этому времени он уже вполне уничтожил российское кооперативное движение. Скажу об этом подробнее.

По оценке видного российского историка В.П. Данилова, все формы кооперации объединяли к 1917 году не менее половины крестьянских хозяйств и, соответственно, сельского населения.⁸² В условиях послеоктябрьской национализации промышленности и ликвидации частно-торгового аппарата потребительская кооперация развилась настолько, что к концу 1918 года обслуживала уже три четверти населения страны. Народ активно самоорганизовывался и, говоря словами Чепурного, в перспективе

---

⁷⁹ Там же. С. 437.

⁸⁰ Там же. С. 438.

⁸¹ Там же. С. 443.

⁸² Человек и земля. М., 1988. С. 190.

«ревком был не нужен». Удерживая власть любыми средствами, Ленин понимал, что сила у того, у кого хлеб. По этой причине кооперация как форма хозяйственной самоорганизации крестьянства была объявлена им врагом номер один. Заместитель наркома продовольствия в первые послеоктябрьские годы М.И. Фрумкин, непосредственно занимавшийся вопросами кооперации, так оценивает действия тогдашней власти. Это было стремление превратить кооперацию «в небольшой придаток к государственному организму. Мы «изживали» кооперацию с такой поспешностью, словно изживание мелкобуржуазных настроений и интересов деревни приходило уже к концу. Нужно отметить, что мы действовали так без особой нужды, только во имя голой схемы».⁸³ Схемой, воплощенной в жизни, был и увиденный Андреем Платоновым Чевенгур.

Участие в заседании чевенгурского ревкома старика далее выводит разговор о предназначении власти. Старик объясняет, что если ревком может «организовать и сплотить раздробленные силы в одном определенном русле», то только потому, что эти силы сами того хотели. Значит, работа ревкома не трудная и для нее требуются самые «ненужные» люди. Чепурный же и другие большевики – люди нужные и им следовало бы другими делами заниматься, а обдумывать чужую жизнь вместо самого живого – срам. Но и тут оказывается кстати хитрый ум Прокофия Дванова и большевики принимают решение проводить заседания по ночам, когда живущие мимо не ходят и размышлениями, чем занимается власть, не заботятся.

Еще один вопрос, поставленный перед чевенгурцами в циркулярах из губернии – «организация массового производительного труда в форме субботников, для ликвидации разрухи и нужды рабочего класса, это должно воодушевлять массы вперед и означает собою великий почин» коммунизма.⁸⁴ Платоновская саркастическая переключка с хрестоматийной работой Ленина настолько очевидна, что в комментировании не нуждается.

Старик стал уточнять, в чем должен состоять труд и выяснил, что дело ограничивается очередной перестановкой с места на место домов для тесноты жизни и перемещением садов для прогона свежего воздуха. Поскольку исполнение своей жизни «по чужому записанному замыслу» в данном случае больших усилий от «прочих» не требовало и ничем плохим не грозило, то старик легко соглашается.

На этом ревком замер в оцепенении: других указов из губернии не было и жизнь в чевенгурцах пошла самотеком. Это было недопустимо и Чепурный как настоящий пролетарский вождь не желает терять руководящую инициативу и итожит: «Жил у нас враг навстречу, а мы его жилили из ревкома, а теперь вместо врага пролетариат настал, либо мы его жилили должны, либо ревком не нужен».⁸⁵

---

⁸³ Четыре года продовольственной работы. М., 1922. С. 78.

⁸⁴ Там же. С. 448.

⁸⁵ Там же. С. 450.

Как отмечалось, Чевенгур стоит в одном ряду с другими революционными хозяйствами, которые прежде посещали Саша Дванов и Копенкин. И Чевенгур если и отличается, к примеру, от хутора товарища Пашинцева, то только содержанием руководящих инициатив его начальства, как передвижка домов и садов. Коммунизм же одинаков везде. Это подтверждает еще не видевший Чевенгура Пашинцев: «Тут просто ревзаповедник, какой был у меня», - говорит он Копенкину. А Копенкину при воспоминании ревзаповедника приходит на ум «молчаливая босота».

В «Чевенгуре», как и в «Котловане», важное значение, образующее иные смыслы, имеет смерть ребенка. Но если в повести Настя уже сознает происходящее и даже формулирует принципы устройства будущего, то в романе ребенок слишком мал и значение его гибели передается через восприятие других персонажей. Копенкин, например, озадачивается: «Какой же это коммунизм? ...От него ребенок ни разу не мог вздохнуть, при нем человек явился и умер. Тут зараза, а не коммунизм. Пора тебе ехать, товарищ Копенкин, отсюда – вдаль», чтобы кончив ночью всех германских буржуев разом, «к рассвету объявить коммунизм»⁸⁶. Здесь в который раз Платонов высказывает уже много раз повторенную мысль: коммунизм – царство смерти. Коммунизм может только убивать и не может создавать.

Созидание, о котором, за исключением квалифицированного рабочего Гопнера никто не говорит. Чевенгурцы удовлетворяются жизнью за счет даров природы и достижением блага для другого человека. Так, когда в Чевенгур пришли «прочие», а потом и Прокофий привел женщин «наниматься в жены», эти занятия лишь разнообразились, но качественно не поменялись: одни стругают доски, из которых кто-нибудь может быть «собьет подарок или вещь», другие штопают мешки, чтобы набирать в них зерна из степных колосьев, третьи ходят по дворам, чтобы в дырках стен и печей искать клопов и там душить их. Каждый заботится не о своей пользе, а о благе какого-нибудь другого чевенгурца. Но за всем этим – глухая безысходность.

Мысль о близкой смерти транслируется не только в конкретных коллизиях, но и в авторских размышлениях о судьбах героев. Так, придя в Чевенгур, «Дванов увидел, что в природе не было прежней тревоги, а в подорожных деревнях – опасности и бедствия: революция миновала эти места, освободив поля под мирную тоску, а сама ушла неизвестно куда»⁸⁷. Эти размышления соседствуют с мыслями Саши о том, что и в нем самом, как и в природе, день прожит, начинается «вечер» и, возможно, он похож на тот, в который его отец ушел на дно озера.

Зачем Саша прожил день, добиваясь коммунизма? Ему самому он не нужен. Скорее, напротив, любовь к созиданию – машинам – не гармонирует с коммунистической идеей жизни за счет сил природы. Но он идет со всеми и делает коммунизм потому, что «все шли и страшно было остаться одному»,

---

⁸⁶ Там же. С. 459.

⁸⁷ Андрей Платонов. Ювенильное море. С. 470.

тем более, что у него не было отца и семейства. По этой причине он любил Чепурного и Копенкина «и многих прочих за то, что они все погибнут от нетерпения жизни, а он останется один среди чужих».⁸⁸ Участь Саши предрешена.

Саша разочаровывается в коммунизме. Но есть другие. Например, Гопнер, умеющий задавать вопросы коммунист, который, наблюдая жизнь в городе, заботится тем, чтобы такое «изобрести, что к чему надо подогнать в Чевенгуре, дабы в нем заработала жизнь и прогресс». На это Дванов отвечает: «Здесь, Федор Федорович, ведь не механизм лежит, здесь люди живут, их не наладишь, пока они сами не устроятся. Я раньше думал, что революция – паровоз, а теперь вижу – нет».⁸⁹

В своих размышлениях о коммунизме Саша идет дальше. Он, например, догадывается, для чего большевики-чевенгурцы желают наступления коммунизма: ведь коммунизм, как говорит Маркс, это конец истории. То есть, это конец времени. Оно должно остановиться. А поскольку в человеке вместо времени «стоит тоска», то единственный способ ее изжить – это так же «остановить» ее, подобно времени. А что такое остановить время (тоску) в человеке, станет ясно скоро.

Итак, по мере того, как Саша открывает для себя скрытые прежде истины, жизнь начинает терять смысл. Понять нам это Платонов дает и посредством своих любимых образов. Один из них – умерший лист, постоянно сопровождавший в «Котловане» Вощева. Здесь – «синий лист дерева легко упал близ Дванова, по краям он уже пожелтел, он отжил, умер и возвращался в покой земли».⁹⁰ Умерший лист – знак близкого прекращения жизни всего живого.

* * *

Подходя к финалу романа, Платонов дает читателю еще одну возможность взглянуть на «коммунизм в действии» - в этот раз не изнутри, а со стороны – с позиции «центральных» людей. С этой целью вводится фигура Симона Сербинова. Настораживает авторская характеристика героя: «Он был усталый, несчастный человек, с податливым быстрым сердцем и циническим умом». Он «почти не желал существовать», «глубоко разлагался и не мог чувствовать себя счастливым сыном эпохи», а чувствовал лишь «энергию печали».⁹¹ Хотя Сербинов «не любил стоять на ответственных постах, уткнувшись лицом в кормушку власти», он, тем не менее, по ее заданиям ездил по провинции, помогая тамошним большевикам «стронуть жизнь мужика с ее дворового корня». Нужен ли он был кому-нибудь, кроме тех, кто посылал его в глушь? «...Ни в ком из живущих не было по отношению к Симону смертельной необходимости», - дает ответ автор.

Странность фигуры Сербинова подчеркивается его именем – Симон. (Переключка с французским утопистом Сен-Симоном? – С.Н.). Однако

---

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же. С. 485.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Там же. С. 501.

развитие сюжета посредством этой фигуры помогает Платонову сделать обобщения относительно всей России. Новые садовники страны из-за отсутствия «прочного полезного ума» в нетерпении заменяют культурные садовые растения быстро созревающими «мелкими злаками», для которых не нужно ни труда, ни терпения. «И после снесенного сада революции его поляны были отданы под сплошной саморастущий злак, чтобы кормиться всем без мучения труда».⁹² Конечно, в данном случае речь вряд ли идет именно о растениях. В одном месте Платонов поясняет, что злаки – это злаки бюрократизма, то есть проявления определенного рода системы управления и – шире – организации хозяйственной и общественной жизни. Речь о большем, чем растениеводство. О чем же?

Если принять во внимание описываемое время, предметную область коммунистического действия и, наконец, сами объекты, на которые направляется внимание и усилия российских «чевенгурцев», то ничем иным как оценкой и даже приговором большевистской организации жизни и аграрной политики, в частности, это признать нельзя. Более того. Платонов определяет убийственный характер этой политики для будущего: злак съест почву и люди останутся на глине и камнях, на иссушенной безлюдным ветром земле. Большевизм не жизнеспособен. При нем не растут злаки и умирают дети. Большевизм – царство смерти.

Свежий человек Сербинов нужен и для оценки чевенгурского (коммунистического) принципа хозяйствования, согласно которому «мучение телом ради предмета», то есть для пользы, заменяется на работу «друг для друга» посредством того вещества, которое предоставляет природа. Так, чевенгурцы (Саша и Гопнер) собираются получать электричество из света солнца, в городе стоит соломенно-глиняная башня, на которой горит огонь – маяк для путников в степи, Карчук делает из бычачьей кости меч для Пашинцева, Чепурный тащит глину из оврага для памятника и т.д. Так вот, наблюдая коммунистическое хозяйствование, человек со стороны Сербинов «понять то, что стоит перед его зрением, не мог».

Конец коммунизма наступает неожиданно. Он умирает в Чевенгуре после того, как в некоторых героях проступают человеческие чувства. По мере роста тоски по Розе, Копенкин намеревается покинуть город. Проснулись и окрепли доселе спавшие чувства хозяина в Прокофии – он желает оформить на себя городскую собственность. Кирей, получивший в жены Грушу, перестает «давать подарки» в коммунизм и только жену считает «своей идеей коммунизма», становясь одним этим «спокойно-счастливым». От коммунизма начинают отходить и прочие чевенгурцы.

Коммунизм умирает и автору не остается иного как умертвить героев, выражающих эту идею. Неизвестно откуда близ Чевенгура оказываются то ли казаки, то ли кадеты на лошадях и все, кроме Саши Дванова и Прокофия, гибнут в бою.

---

⁹² Там же. С. 505.

Но Саша не умеет жить по-иному. И он уходит в озеро, в котором искал жизнь, но нашел смерть его отец. На этом коммунизм, кажется, должен исчезнуть, если бы не последний эпизод романа. Вновь возникает Захар Павлович, вновь просит Прошку найти ему Сашу, и вновь Прошка обещает его привести.

Жизнь сквозь смерть. «Ювенильное море»

В заключительной части этой повести есть размышление одного из главных героев Николая Вермо: «Зачем строят крематории? – с грустью удивился инженер. – Нужно строить химзаводы для добычи из трупов цветметзолота, различных стройматериалов и оборудования».⁹³ Бред, абсурд? Нет, еще одна грань большевистского сознания – фантазийная.

* * *

Зародившись еще в «Епифанских шлюзах» как идея добычи большой воды для судоходного канала из подземного озера, эта грань никогда не оставалась забытой ни в одном из последующих произведений. В «Котловане» она материализовалась в гигантский общепролетарский дом, в который должно войти население целого города. В «Чевенгуре» – во все, с чем связывают свое бытие герои: от могилы Розы Люксембург до самосевного сельского хозяйства.

Однако в отличие от других произведений, в «Ювенильном море» фантазийность рассматривается чуть ли не как главный способ жизнепрживания героев. Ее составляющие – идеи извлечения на поверхность земли «древней воды», лежащей в недрах в «кристаллическом гробу»; выведения вместо обычного скота «социалистических гигантов, вроде бронтозавров, чтобы получать от них по цистерне молока в один удой»; предложение отапливать пастушьи курени «весовой силой обвалов или варить пищу вековым опусканием осадочных пород» и еще многое.

И здесь обнаруживается, что фантазийность не просто полет мыслей отдельных чудаков. Будучи изначально рассогласованной со здравым смыслом и актуальным научным знанием, она, тем не менее, постоянно воспроизводится в структурах общественного сознания. Значит, у нее должно быть поддерживающее это ее свойство, собственное качество, кому-то необходимое. Выскажу предположение. В том случае, когда фантазийность перестает контролироваться здравым смыслом, у нее действительно обнаруживается новое важное свойство. С ее помощью решается извечная проблема «соседства» жизни и смерти. Фантазия, не претендуя на пространство жизни, в то же время лишает пространства смерть.

Большевизм, создающий для человека ситуацию жизни в царстве смерти, не мог этой возможностью не воспользоваться. Утверждения – «сегодняшние поколения живут ради счастья будущих»; «очистим землю, посадим сад и еще сами успеем погулять в том саду»; «нынешнее поколения

---

⁹³ Там же. С. 65.

советских людей будет жить при коммунизме» – тому свидетельства. Это не отрицание жизни, а перенос ее в будущее. И перенос жизни в будущее («превращение будущего в родину», как говорит Платонов), совершается тем более легко, потому что герои, как правило, безродные.

Делая предметом рассмотрения фантазийность, Платонов, наряду с прочим, откликается и на традицию анализа феномена смерти в русской классике. Но вместо найденного в ней способа «взаимодействия» жизни и смерти - установления границы и поиска возможностей удержания смерти на этом рубеже - автор «Ювенильного моря» предлагает новый: смерть вытесняется за границы бытия, поскольку бытие обретает столь фантастические формы, что ни для жизни, ни для смерти места нет. Герои, охваченные фантазиями, уничтожают в себе страх смерти. Фантазийность – способ, которым герои укрываются от этого страха. Их жизнь полностью высвобождается из-под влияния и власти смерти. Правда, при этом жизнь превращается в абсурд. Но это авторами фантазий и теми, кто ими захвачен, не замечается.

К сожалению, фантазийность не приходит в жизнь одна. Ее неизменным спутником, если не родственником, всегда оказывается фанатизм. И зараженные тем или другим (или тем и другим вместе), герои советской литературы, включая платоновских, самой смерти, как известно, не боятся. Впрочем, смерти это все равно. Она делает свое дело помимо наличия или отсутствия страха перед ней. Но точно так же и фантазии живут вне и помимо смерти.

Авторский рецепт фантазийного, «внесмертного» бытия уже в первых абзацах повести сообщает читателю Николай Вермо. На ходу, пока он движется в глубину степи, он уже управился открыть первую причину землетрясений, вулканов и векового переустройства земного шара «лишь бы занять голову бесперебойной мыслью и отвлечь тоску от сердца».⁹⁴ И чем этот созидаемый в сознании мир грандиознее, тем он лучше защищает от страха смерти.

Однако от чего тоскует герой, ведь он участвует в «пролетарском воодушевлении жизни» и скапливает вместе с друзьями посредством творчества и строительства «вещество для той радости, которая стоит в высотах нашей истории»? Отмечу, что понятие «тоска»⁹⁵, так же как и «скука», у Платонова предвестники смерти. «...Я сейчас помру, мне скучно начинается», - говорит, к примеру, один из героев «Чевенгура»⁹⁶.

Ответ дается, как это всегда у Платонова, через столкновение разных способов жизни. Тоска Вермо объясняется при встрече с Адрианом Умрищевым, читающим книгу по истории Ивана Грозного. Умрищев со своим предостережением «не суйся» «разумно, - по мнению автора, - не хотел соваться в железный самотек истории, где ему непременно будет

---

⁹⁴ Там же. С. 3.

⁹⁵ Свои размышления на этот счет предложил недавно В.Н. Порус в статье «Бытие и тоска: А.П. Чехов и А.П. Платонов». Вопросы философии. 2014. № 1.

⁹⁶ Там же. С. 549.

отхвачена голова».⁹⁷ Вермо же не только сунулся, но летит по гребням волн, спасаясь до поры тем, что перескакивает с одной волны на другую. Однако конец этой эквилибристике уже виден: дальше Америки и дальше, чем на полтора года, Вермо и Босталоевой плыть некуда. А провожают их, что значимо для философского понимания повести, герои, олицетворяющие два противоположных принципа жизни – «Не суйся!» (Умрищев) и «Надо решить вопрос о добыче подземных морей» (Федератовна). Борьба этих начал, похоже, неизбывна.

В коллизию столкновения способов жизни представителя «технического большевизма» Вермо и Умрищева - бюрократа и врага нового, Платонов прячет свои собственные слова о том, что «вековечные страсти-страдания происходят оттого, что люди ведут себя малолетним образом и повсюду неустанно суются, нарушая размеры спокойствия».⁹⁸ Яснее не скажешь. Как малые дети, люди, подобные Вермо, Дванову, Копенкину мечтают – разрезать лазером земную твердь, нырнуть в озеро как рыбы, за одну ночь кончить всех буржуев Германии и на следующее утро установить коммунизм. И не просто мечтают, но «неустанно суются».

Слова о «нарушении спокойствия» могли бы в случае их расшифровки стоить Платонову того же, чего Мандельштаму стоили стихи о «тараканьих усицах». Поэтому Платонов и прячет их. Так, Умрищев, инспектируя гурт, дает сопровождающему указание: «Сорвать былинку на пешеходной тропинке, а то бьет по ногам и мешает сосредоточиться». Божев наклонился было, чтобы сразу уничтожить былинку, но Умрищев остановил его: «Ты сразу в дело не суйся, - ты сначала запиши его, а потом изучи: я же говорю принципиально – не только про эту былинку, а вообще про все былинки в мире».⁹⁹ Верно. Умрищев говорит о принципе жизни.

Мысль о «нарушении спокойствия» и предостережение «не суйся, а сначала изучи» могут показаться абсурдными, будучи рассмотрены в связи с конкретным предметом. Но ведь дело не в предмете, а в отвергнутом большевиками способе жить. И если подумать об этих словах в связи с творчеством писателя, то они будут звучать по-другому. Обращу внимание на следующее: Платонов очень мало пишет о страданиях человека до Октября, в то время как послеоктябрьская жизнь изображается им панорамно и как непрерывно длящийся ужас, как царство смерти, укоренившееся, в том числе и по причине «нетерпеливости» и «малолетнего поведения» творцов нового мира.

Фантазийность в сочетании с нетерпеливостью малолетства и фанатизмом – одна из глубинных черт большевизма. Идеи такого рода реально носились в воздухе. Вот как о коммунистической хозяйственной системе писал уже упоминавшийся Е. Преображенский: постепенно социализм создаст возможность для проявления некапиталистических

---

⁹⁷ Там же. С. 9.

⁹⁸ Там же. С. 11.

⁹⁹ Там же. С. 15.

стимулов деятельности человека - появится более совершенная техника, будет производиться больший и лучший продукт, возрастет досуг, все будут «втянуты в культуру». «Миллионы глаз будут устремлены на то, нельзя ли где-нибудь что-нибудь улучшить...»¹⁰⁰ (Директор совхоза Умрищев, излагая свое видение усовершенствования организации производства, говорит: «Пора, товарищи, социализм сделать не суетой, а заботой миллионов».¹⁰¹)

Но до того, продолжает Преображенский, как это положение теории станет действительностью, нужно изжить неверные взгляды, в частности буржуазные представления об общечеловеческой морали. Таковой не существует. Всегда и во всем мы найдем классовую подоплеку, выгоду того или иного поступка тому классу, от лица которого выступает индивид. В революционной борьбе, в процессе перехода общества от капитализма к коммунизму работают важные классовые пролетарские принципы. Согласно им, например, отдельный член класса должен смотреть на себя как на орудие борьбы всего рабочего класса в целом. Конечно, это противоречит позиции «хваленного теоретика» буржуазии И. Канта, согласно которой никогда нельзя смотреть на другого как на средство достижения цели, а всегда — как на цель. «Можно себе представить, — иронизирует Преображенский, — как далеко ушел бы пролетариат в своей борьбе, если б руководствовался этим, а не совсем противоположным требованием в своих классовых интересах. Пролетариат в борьбе за власть жесток и беспощаден. Он не только не щадит своих врагов, но не щадит, где это нужно для дела, и лучших представителей своего класса... На севере Сибири, бывает, что громадное стадо оленей переходит широкую реку. Перейти на тот берег необходимо для спасения от голода всего стада. Но река глубока, и мост наводит социальный инстинкт стада трупами передовых».¹⁰² Неплохой образ для кончины чевенгурцев?

Платонов, активно интересовавшийся в двадцатые годы теорией большевизма, возможно, был знаком с этим трудом, равно как и с изданной в 1920 году и переиздававшейся около десяти раз совместной книгой Бухарина и Преображенского «Азбука коммунизма», наполненной такого рода идеями.

О большевистской нетерпеливости уже в октябре 1921 году, в начале НЭПа осторожно и расплывчато с оттенком раскаяния писал и Ленин: «Переход к «коммунизму» очень часто (и по военным соображениям; и по почти абсолютной нищете; и по ошибке, по ряду ошибок) был сделан без промежуточных ступеней социализма».¹⁰³ И еще: «О наших задачах экономического строительства мы говорили тогда гораздо осторожнее и осмотрительнее, чем поступали во вторую половину 1918 года и в течение всего 1919 и всего 1920 годов».¹⁰⁴

---

¹⁰⁰ Преображенский Е. О материальной базе культуры в социалистическом обществе. М. 1923. С. 24.

¹⁰¹ Андрей Платонов. Ювенильное море. С. 17.

¹⁰² Преображенский Е. О морали и классовых нормах. М., Петр. 1923. С. 72 – 73.

¹⁰³ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 44. С. 473.

¹⁰⁴ Там же. С. 156.

Столкновение фантазийного способа жизни и жизни по принципу «А ты не суйся!», в котором Платонов прячет свой разумный взгляд на преобразование мира (нельзя «порочить естественное самотечное устройство природы»), маскируется им и через доведение умрищевского тезиса до смеха и гротеска. Вот в гурт прибыло начальство и секретарь «недалекого райкома партии» справляется у директора Умрищева о распространенности его лозунга. Директор охотно поясняет, что лозунг был и плохо, что ему не всегда следовали. Вот Божев «сунулся» к Айне и довел ее до самоубийства. А если бы Федератовна не «совалась» повсюду, то и не узнала бы, что кулаки выдаивают колхозных коров и такого вопроса для секретаря райкома вовсе не было бы. В ответ секретарь обещает Умрищеву, что «партия его разлюбит» и мечтает о Бастолоевой, с которой в дальнейшем, наряду с Вермо, и будет сопряжено все фантазийное в повести.

Босталоева, например, обещает при государственном задании тысяча тонн поставить три тысячи тонн мяса. Но «нормальной мещанской работой» этот план не выполнить. «Москва вызывает нас на творчество», - говорит она, а Федератовна комментирует, что партия уж слишком любит и ценит ум масс, которые «жадны стали на новую светлую жизнь: никакого укорота им нету!» Но Вермо (а, может, Платонов) думает, что тот же расчет на «максимального человека» - то есть, на большинство «имел сам Ленин перед Октябрем семнадцатого года». Опасная двусмысленность?

Здесь, как и в других местах, Платонов прячет свою позицию за многими смысловыми слоями. Первый – на поверхности: власть опирается на большинство, ценит его ум и любит его. Второй – изображение этого большинства. Что в «Котловане», что в «Чевенгуре», что в «Ювенильном море» говорить об уме большинства и, тем более, о любви к нему со стороны власти не получается. Вспомним полу-живых землекопов, «молчаливую босоту», толпы «прочих», забитых киргизов. Третий смысловой слой – существо выдвигаемых властью задач. Общепролетарский дом, коммуна, революционный заповедник, ничего не производящий и питающийся самосевом Чевенгур, «Родительские дворики» - фабрика мяса на «ветряном отоплении». И везде – уничтожение того, что называется «нормальной мещанской работой» и тех, кто ею занят. И, наконец, четвертый смысл – фантазийность и фанатизм «новых» людей: от инженера Прушевского – до Вермо. И, само собой, параллельно с выстраиванием смыслов, Платонов вплотную приближается к страшной для объективного наблюдателя того времени грани: к Октябрю и его творцу. Но смыслы, которые Платонов вкладывает в ответы, перекидываются также и за эту грань.

Фантазийность, как и фанатизм, вещь заразительная, легко передаваемая от человека к человеку, в особенности, если к ней применить «теоретическую диалектику» - главное философское оружие большевиков. Это, к примеру, демонстрирует Умрищев, назначенный председателем колхоза. Его посещает Федератовна с целью обнаружить «диалектику в действии». Так, когда к нему является кооперативный работник Священный с известием, что у него в кооперативе прошлогодние моченые яблоки стали солеными, как огурцы, а

морковь приобрела горечь, он отвечает: «Это прекрасно! – радостно констатировал Умрищев. Это диалектика природы, товарищ Священный: ты продавай теперь яблоки, как огурцы, а морковь, как редьку!»¹⁰⁵ Разыгравшаяся далее сцена – один из ярчайших примеров платоновской смеси политической сатиры, авторского сарказма, гротеска и ужаса. Умрищев просит у Священного пищу, вспомнив, что «мысль есть материалистический факт». Священный дает ему отрезанный и копченый на огне «бычий член размножения». Умрищев, «начитавшись физико-математических наук, ничем теперь не брезговал, поскольку все на свете состоит из электронов, и съел ту колбасу».¹⁰⁶ После убийства Священного погонщиком вентиляторного вола Федератовна корит его: «Ты зачем, поганец, человека убил? – что ты, вся Советская власть, что ли, что чуждыми классами распоряжаешься?»¹⁰⁷

Давая волю сарказму, Платонов, тем не менее, предельно серьезен. Так, он формулирует то, что можно назвать существом большевизма. «Вермо понял, насколько мог, столпов революции: их мысль – это большевистский расчет на максимального героического человека масс, приведенного в героизм историческим бедствием, на человека, который истощенной рукой задушил вооруженную буржуазию в семнадцатом году и теперь творит сооружение социализма в скудной стране, беря первичное вещество для него из своего тела».¹⁰⁸

К финалу повести фантазийность естественным образом сходит на нет. Командировочное задание Вермо и Босталоевой – проверить в Америке «идею сверхглубокого бурения вольтовым пламенем и научиться добывать электричество из пространства, освещенного небом», равно как и из света человеческих глаз, ограничено местом и временем. «Корабль уплыл в водяные пространства земли», а читатель остался в компании Умрищева и Федератовны. Все вернулось на круги своя. И тему ювенильного моря, как и обещание Прошки вновь привести утонувшего Сашу, можно считать началом новой истории. Ведь говорил же Ленин: «наша партия совершенно определенно видит свою задачу в немедленном строительстве коммунизма».

* * *

Полнота рассмотрения философской категории смерти как самой по себе, так и в ткани художественного произведения, требует соотнесения с ее естественными оппозициями – рождением или жизнью. Этого в произведениях нет. Однако это не недостаток. Андрей Платонов создает ситуацию особого прецедента. Он рассматривает не просто мертвое или живое, а «живое в начале умирания» или «мертвое живое». Предмет объединяет в себе оба начала, тем самым снимая вопрос об их естественной оппозиции. И с этим читателю приходится мириться, еще глубже задумываясь над тем, чем было время большевиков.

¹⁰⁵ Андрей Платонов. Ювенильное море. С. 58.

¹⁰⁶ Там же. С. 59.

¹⁰⁷ Там же. С. 61.

¹⁰⁸ Там же. С. 75.

